

Валерий Большаков

БАГАТУР

Валерий Большаков

Багатур

«Автор»

2022

Большаков В. П.

Багатур / В. П. Большаков — «Автор», 2022

Десятый век поднял Олега Сухова на изрядную высоту. Он стал Магистром, приближенным самого византийского императора... И тут Судьба бросает его в будущее — на триста лет вперед, в страшный 1237-й год, прямо под копыта конницы Батыя. И снова приходится выживать, снова подниматься из простых воинов... Он поднимется, не вопрос. Но знать бы еще, какой стороны держаться... Стоять ли за русских князей, братоубийц и губителей собственного народа? Или поддержать монгольских ханов, огнем и мечом насаждающих новый порядок?

Содержание

Часть первая	5
Глава 1,	5
Глава 2,	15
Глава 3,	23
Глава 4,	29
Глава 5,	39
Глава 6,	47
Глава 7,	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Валерий Большаков

Багатур

Часть первая

РУСЬ СВЯТАЯ

Глава 1,

в которой Олег Сухов встречает рассвет пополудни

Лето 936 года по Рождеству Христову выдалось в меру жарким. Природа, словно балуя злаки и деревья, не скупилась на дожди, но и не задерживала тучи в небесах, открывая землю горячему свету. Пахари радовались скорым урожаям, вычищая громадные пифосы¹ и представляя, чего и сколько они купят в Городе, лишь только закончится страда.

А сам Константинополь жил и горя не знал – купцы торговали, набивая мощну потуже, чиновники соскребали с пергаментов указы прошлых лет, дабы испачкать их новыми записями, нищие попрошайничали, воины скучали, священники молились во здравие и за упокой.

Громадный Город-Царь, отстроенный на краю Европы императором Константином, красовался, выставляя себя напоказ, гордился своим величием, изнемогая от богатств, самым видом своим, роскошью немислимой, внедряя в умы и сердца народов окрестных идею превосходства Ромейской империи.²

Константинополь – око и центр вселенной. Базилевс³ – глава всех народов земли. И сами ромеи – народ особый, отмеченный свыше. Все прочие – варвары, неименитые и несчитаемые, удел которых состоит в служении ромеям.

Константинополь – Второй Рим, и никому не сокрушить его, ибо град сей находится под надёжной защитой Провидения. Христианский Рим, преславный Константинополь, будет царить над миром вечно!..

Внимали ли этим истинам заезжие варвары, история умалчивает. Русы, франки, норманны, хазары, угры, болгары бродили по великолепной и пышной Месе,⁴ дивясь бесконечным колоннадам и статуям, золотым куполам церквей, неисчислимым толпам горожан, разодетых в парчу и бархат. Вот только не почтение возбуждалось в их душах, а зависть и ревность.

Варвары не признавали законов, не ведали ни стратегии, ни тактики, их действия были абсолютно непредсказуемы, но они крайне редко терпели поражения. К горю людскому, алчность дикарей-европейцев или азиатов-кочевников подкреплялась глупостью христолюбивых царей, множащих беды, подрывающих устои, близящих грозное крушение государства.

Величайший, Святейший, Августейший, Единственно-премудрейший базилевс Роман I Лакапин долго думал, как же ему умилоствит противников, да ещё пуще порадовать сторонников, и придумал – устроил гонения на евреев. Бедных иудеев хватили по всей стране, силою заставляя креститься. Массы беженцев покидали империю, уезжали, уплывали в Хазарский

---

¹ *Пифос* – огромный широкогорлый кувшин в форме шара с плоским дном. В таких хранили зерно, воду, рыбу (обычно пифос закапывали в землю). Кстати, именно в пифосе проживал Диоген.

² *Ромейская империя* – государство, которое принято называть Византией, хотя это то же самое, как если бы Российскую Федерацию именовали Московией.

³ *Базилевс* – император ромеев, то бишь византийцев.

⁴ *Меса* – Средняя. Главный проспект Константинополя, центральная улица.

каганат к своим единоверцам, а тамошний иша⁵ Йосып бен Аарон, привечая гонимых, ответил гонителям массовыми казнями христиан. Тогда ромеи подкупили русского князя Хельгу, дабы тот воевал за них в степях таврических. Среди ночи воины Князевы напали на Самкерц⁶ и захватили его из-за беспечности градоначальника Хашмоная, подавшегося на охоту. Каганат тут же нанёс ответный удар – хазарский полководец Песах осадил Самкерц и разорил подряд три города ромейских – Феодосию, Сукдею и Алустон.⁷ Так, из ничего, из сумасбродства неумного правителя, возжётся огонь войны...

Магистр Олегарий, он же Олег Романович Сухов, аколит средней этерии,⁸ вышел на Месу, чувствуя, что настроение испорчено окончательно – базилевс слал его в Киев, к великому князю Ингорию Старому, за подмогой. А оно ему надо?

Олег вышагивал, хмурясь и раздражённо толкая прохожих. Те иной раз огрызались, но живо смолкали, стоило им углядеть белый магистерский скарамангий⁹ с пурпурными нашивками на груди. Кому ж охота связываться с вельможей такого ранга? Не все, правда, сникали от почтения – гости города, те же амальфитанцы или венецианцы, не ведавшие здешнего подобию-страстия, сникать особо не спешили, а бранились, порою и за нож хватались. Один такой, чернявый, с кривыми ногами, обтянутыми штанами-чулками, гневно обернулся, заработав тычок в плечо.

– Ты чем-то недоволен? – холодно спросил его Олег, засовывая большие пальцы за пояс-сингулум из красной кожи с золотой пряжкой. Он подставлялся под удар.

Чернявый лишь оскалился, вооружаясь изящным стилетом. Сухов не стал дожидаться, когда лезвие попортит скарамангий, и вышиб у строптивца кинжал из руки. Ударил под дыхало. Чернявый согнулся, сипло втягивая воздух и роняя шапочку с длинным пером. Олег ухватил нечаянного супротивника за длинные патлы, приложил головой об колено, добавляя кулаком по затылку – готов. Дерзостник рухнул на каменные плиты, истёртые подошвами и пятками.

А магистру полегчало – согнав злость на патлатом, он малость успокоился, повеселел даже. Шаг его замедлился, придавая поступи величавость, подобающую царедворцу.

«Да и что такого особенного произошло?» – подумал Олег. Можно подумать, в прошлые годы было легче – постоянно его слали куда-то. И в Хазарию он хаживал, и в Херсон, и в Александрию, арабами переименованную в Искандарию. В Болгарии бывал, в Венеции, в Хорватии, в Бургундии и Лотарингии, Моравии и Швабии. Да легче сказать, куда его не закидывала судьба и приказ императора. Может, ему просто лень отправляться в дальний путь? До Киева – месяц пути. Да столько же обратно. Хорошо, если удастся к осени вернуться...

Наверное, он, Сухов, просто повзрослел – сделал вывод Олег. Пропал прежний азарт, прежнее рвение, желание преуспеть. Он добился столь многого, что впору делиться с неудачниками!

Щербина на каменной мостовой заставила его споткнуться и отпустить чёрта. Прохожие заулыбались, радуясь магистерской оплошке.

– Ур-родцы... – выцедил Сухов.

---

⁵ *Иша* – «управляющий богатством»; как бы царь Хазарин, правящий от имени кагана. Надо особо отметить, что вся верхушка каганата, купцы-рахдониты, ведущие заморскую торговлю, и часть престолярства исповедовали иудаизм.

⁶ *Самкерц* – надо полагать, нынешняя Керчь.

⁷ Нынешние Судак и Алушта.

⁸ *Магистр* – высший титул, которого мог удостоиться царедворец, не состоящий в родстве с базилевсом. Всего магистров в империи насчитывалось 12 человек. Аколит (или аколуп) – командир наемников. Этерия – личная гвардия императора. Различалась великая этерия, комплектовавшаяся из македонцев, малая этерия, в которой служили хазары и арабы-христиане, и этерия средняя, наёмная, куда брали викингов-норманнов или варягов (ромеи прозывали их варангами).

⁹ *Скарамангий* – парадное одеяние вроде лёгкого кафтана длиной до икр, довольно узкое, стянутое в талии кушаком или особым поясом.

Если бы он ещё и растянулся на камнях, восторг толпы предела не имел бы.

– Вода, вода! – послышался звонкий мальчишечий голос. – Холодная вода из цистерны Аспара! Вкусная! Кому водички?

Сухов узнал одноглазого Никитку Хромца, маленького калеку-водоноса. Согнувшись под тяжестью двух бурдюков, перекинутых через худенькое плечо, Никитка побрякивал оловянными стаканчиками.

– Ну-ка, налей мне, – остановился Олег.

– Мигом, господин!

Обрадованный водонос доверху наполнил стакан и поднёс Сухову. Магистр выпил с удовольствием. Действительно, холодная...

– Держи, – сказал он, вкладывая в протянутую ладонь серебряный милиарсий.

– А у меня сдачи не будет... – протянул Хромец.

– А и не надо! – отмахнулся Олег и пошагал дальше, оставив за спиной ошастливленного Никиту. Легко быть добреньким...

Обычно Сухов следовал принципу: «Не спеши творить добро!» Не повинуйся порыву, подумай, не умножит ли содеянное благо твои горести? Легче жить недоброму... Но иногда можно себе позволить благодать.

Ободрившись, Олег прибавил шагу, устремляясь к форуму¹⁰ Аркадиана, где располагался так называемый Дом Василия, он же Дом Варвара – дворец, в котором поселялись воины-наёмники, принятые в среднюю этерию.

В разные годы императора оберегали и варяги, и норманны. Под командованием Сухова служили и двухметроворостые северяне из хирда¹¹ доблестного ярла Олафа, сына Харальда Змееустого, и молчаливые, очень дружные йомсвикинги¹² из Юмны,¹³ и варяжская дружина Либиара из Хенугарда.¹⁴ Но больше всех Олег любил «ребятишек» светлого князя Инегельда Боевой Клыка, ныне как раз и занимавших Дом Варвара.

В одном строю с дружиной князя он повоевал немало, покоптился у одного костра, погрёб в одной лодье, не раз спасал товарищей от смерти неминуемой, а они бросались на помощь ему, своему аколиту, некогда такому же варягу, молодому бойцу-дренгу по прозвищу Полутроль.

Дружина Инегельда числом не поражала, едва ли большая сотня¹⁵ мечей набралась бы, зато все были как на подбор – отличники боевой и политической подготовки. И были среди них лучшие из лучших – тринадцать витязей прекрасных, знаменитая «Чёртова дюжина» Боевого Клыка. Когда-то и Олег Полутроль числился в её рядах, чем весьма гордился. «Чёртова дюжина» всегда была на передовой. Брала город приступом, а тринадцать добрых молодцев уже за стенами крепости, побивают стражу у врат и впускают своих внутрь. Сталкиваются лодьи с арабскими сафинами,¹⁶ зачиная морской бой, – «Чёртова дюжина» первой идёт на abordаж. И к кому ещё обратиться магистру и аколиту за помощью? Кого брать с собою в чёртов Киев, понуждать чёртовых славин надрать задницы чёртовым хазарам? «Чёртову дюжину», разумеется...

---

¹⁰ Форум – площадь.

¹¹ Хирд – дружина. Русский вариант – гридь.

¹² Члены своеобразного братства викингов, существовавшего на территории нынешней Северной Германии в описываемую эпоху.

¹³ Порт, предположительно находившийся в устье Одера.

¹⁴ Ныне Изборск.

¹⁵ Большая сотня – приблизительно 120 человек. Был и большой десяток – 12–15 бойцов.

¹⁶ Сафина – боевой корабль на 50 гребцов.

Князя Инегельда Олег заметил ещё с улицы – Боевой Клык стоял в одной рубахе на ступеньках у входа и озирает Мессу. Вид у него был героический – больше всего князь походил на завоевателя, только что поправшего знамя противника и занявшего его крепость.

– Приветствую высокое начальство! – радостно протрубил Инегельд.

– Здорово, Клык.

– Проходи, дёрнем по маленькой. День-то какой! Грех не выпить.

– Повод уж больно сомнительный, – улыбнулся Сухов, крепко пожимая громадную лапищу князя. – Я на минутку. Тут такое дело... Это самое... Мне срочно нужна «Чёртова дюжина» в полном составе.

– И я?

– Кстати, да. Куда ж без тебя...

– А то! И куда именно без меня – ну, никак?

– В Киев, князь. Мою особу беречь будете.

– Ага... Куда и чего – ясно. А когда?

– Сегодня. Это самое... Чем быстрее туда, тем скорее обратно.

– По рукам!

Распрощавшись, магистр повернул обратно – домой. Шёл и думал, как, в принципе, бессмысленна жизнь. Один наихристианнейший венценосец затеял евреев гонять, другой самодержец, приверженный иудейству, принялся крещёных казнить, а теперь венценосная особа, коя первой начала, жаждет и бойню устроить, и не запачкаться. А смысл? Почему славны должны теперь кровь пускать, себе и хазарам? Чего для? И всегда так – вышестоящие накосячат, наворотят, а «выпрямлять» приходится нижестоящим, теряя здоровье, а порой и само житие.

Философический настрой привёл Сухова в равновесие, но хрупкий, едва обретённый покой ненадолго задержался в душе – на форуме Константина Олег стал свидетелем безобразной сцены. Справа от колонны, подымавшей над площадью золотую статую равноапостольного императора, располагался Нимфей – каскад бассейнов с гротами и арками, со статуями и чашами фонтанов. На краю Нимфея гомонила толпа. Сухов пригляделся и сморщился в гримасе отвращения – двое дюжих молодцев окунали в воду визжащего иудея, а толстый священник крестил его. Еврей лупил глаза, хватая воздух перекошенным ртом, и брыкался – руки его были связаны. Наконец ему удалось чувствительно задеть одного из молодчиков – тот упал, но и сам иудей не удержался, скрылся под водою. А в руках доброхотов уже билась, крича и рыдая, черноволосая девушка, наверняка Сара или Суламифь.

– Эй, доставайте! – кричали в толпе. – Никак утоп!

– Ничего, – успокаивали их другие, – лучше крещёным в рай попасть, чем нехристом жить!

– Евлогий, чего встал? Тащи девку!

– Сымай с неё всё! Покрестим!

– Гы-гы-гы!

Олег круто свернул в переулок, углубляясь в регеон¹⁷ Арториан. Настроение снова упало в минус.

Он мог спасти эту евреечку, но не стал – опасно сие. И дело даже не в молодчиках, которых базилевс лишил химеры совести. С толпой Сухов справился бы. В крайнем случае, достал бы меч из ножен. А что потом делать? Выслушивать слезливые слова благодарности от спасённой Сары или Суламифи? А кто будет спасать его собственную жену и дочь от погрома? Кто защитит «пособника иудеев»? На титул магистра рассчитывать не стоит, да и надолго ли он его сохранит? Найдутся сметливые людишки – тут же нашепчут кому надо о предосудительном

---

¹⁷ *Регеон* – район Константинополя. Регеон Арториан числился в престижных.

поведении «Олегария», поступающего наперекор благим намерениям Божественного императора. А тот сделает оргвыводы...

Сухов снова ускорил поступь, угрюмо глядя под ноги. Самое неприятное заключалось в том, что ему даже не пришлось подавлять позыв вмешаться и прекратить безобразие. Прошло то время, когда он то и дело хватался за меч в глупом мальчишеском стремлении восстановить попорченную справедливость. Ныне он зачерствел, заматерел, скрылся за скарамангием от сует беспокойного мира. Что ему та Суламифь? Не убивают же её, в самом-то деле...

Дошагав до кованой решетки, огораживавшей парк, разбитый вокруг дома Мелиссинов, Олег подошёл к воротам. Калитку ему открыл верный Игнатий Фока.

– Ну, как там, при дворе? – поинтересовался он по обычаю.

– Как в курятнике, – буркнул Сухов, – не заключают, так обгадят.

Игнатий захихикал и сказал, предваряя вопрос:

– Дома хозяйка. Гостей принимает.

– И каковских? – поинтересовался Олег, хотя мог загодя назвать имена визитёров – захаживали к ним одни и те же.

– Протоспафарий¹⁸ Александр пожаловал.

– Ну, конечно, – улыбнулся Сухов, – кто бы сомневался... Пожаловал! Можно подумать, он отсюда вылезил...

Шурик влюбился в Геллу Читти, их кормилицу. Втюрился как мальчик. Гелла сперва робела, смущаясь, когда такой знатный господин оказывал ей знаки внимания, но вскоре разобралась в ситуации и тоже, как и Олег, стала называть протоспафария Пончиком. Это прозвище куда лучше, нежели имя, отражало натуру Александра Игоревича Пончева – доброго, мягкого, нерешительного и неуверенного в себе человека. Кормилица стала позволять себе милые капризы, могла и губки надуть – Пончик то страдал сладчайшей мукой, то воспарял выше ангелов небесных, будучи удостоен ласкового взгляда возлюбленной.

Олег не вступался за друга, даже с укором не смотрел на Геллу. Напротив, радовался тому, что девушка ожила и снова открывается миру. Этой весной Читти пережила трагедию – она потеряла ребёнка. И её груди, полные молока, вспоили дочь Олега и Елены, найдёныша Наталью. Впрочем, при Елене Мелиссине Сухов никогда не упоминал слова «приёмьш» – женщина была свято уверена, что девочку послал ей сам Господь. Стоит ли говорить, что Олег ни разу не позволил себе усомниться в этом вслух?

Елена Мелиссина, любимая его Алёнка, имела всё, что нужно женщине для счастья, – богатство, красоту, здоровье, любимого человека. И только детей не дал ей Бог. Елена сильно переживала, плакала украдкой, молилась и каялась во грехах, но понести не смогла. И вот, ровно год назад, в далёкой Италии, куда Мелиссину занесли чужие интриги и вражья злая воля, сосуд её исстрадавшейся души наполнился счастьем доверху – течение безымянной реки принесло корзинку с прелестным младенцем, малюсенькой девочкой с золотистыми кудряшками. Этот херувимчик не орал и не хныкал, он задумчиво сосал палец, лупая в небеса глазами василькового цвета.

В тот миг вся природа будто замерла в явлении чуда – хмурые тучи, блиставшие молниями, рассеялись в могучем порыве вышнего ветра. Стихли громы, и солнце опустилось за край небес, рассекая закатный багрянец «Мечом Господа», знаменитым «зелёным лучом»...

А Олег всё равно не поверил в чудесное обретение Натальи – сказывалось его прошлое, которое осталось в будущем. Эту свою тайну он не раскрывал никому, даже Елене. Только двое знали её – Олег Сухов и Александр Пончев. Они оба были пришельцами из года 2007-го, чужаками в лето 936-е...

---

¹⁸ *Протоспафарий* – высокий придворный чин, самый младший из тех, которые давали право их владельцу присутствовать на заседаниях синклита (тайного совета).

Магистр прошёлся по аллее, напрягая слух. Вот оно, предвестие дома – из окон донесся заливистый смех Натальи, перебиваемый воркованием сразу двух мамочек.

Олег усмехнулся, покачал головой. Он никогда не страдал чадолюбием и относился к детям как к взрослым – иной ребёнок нравился ему, что случалось редко, а в основном малышня вызывала у него раздражение, в лучшем случае – равнодушие. Младенцами же Олег и вовсе брезговал, искренне не понимая, как можно восхищаться розовыми морщинистыми тельцами, представлявшими собой кишки, оравшие спереди и гадившие сзади.

А вот с Натальей ему, можно сказать, повезло. Когда Елена выловила её, аки жена фараона – Моисея, девочке исполнилось от силы полгода. Ходить она ещё, само собой, не умела, зато кушала с удовольствием – охватывала ручонками большую Геллину грудь и присасывалась, тараша глазята, в которых читалось безмерное радостное удивление: «И это всё мне?!»

Сухов поднялся по лестнице и потянул на себя тяжёлую дверь. Перешагнув порог, додумывая мысль: а ведь ему ни разу не доводилось размышлять о продолжении рода. Да и что ему тот род? Пускай желающие успокаивают себя, что после смерти их черты проявятся в потомках, передадутся по наследству следующим поколениям. Но ему-то какая разница? Закончится ли на нём цепочка «прадед – дед – отец – сын» или продолжится в будущее до седьмого колена, ему-то что? Его-то, Олега Романовича Сухова, уже не будет в живых – помрёт он! А мёртвым безразличны дела сущих.

– Пр-рывет! – воскликнул Пончик, встречая Сухова в обширном вестибюле. – Как жизнь, сиятельный?

Александр, полный и румяный, буквально лучился счастьем.

– По-моему, – усмехнулся Олег, – сияешь здесь как раз ты. Что такого случилось, эпического? К ручке тебя допустила? Или к ножке?

Пончик замахал на него руками, но не выдержал, признался.

– Она меня... поцеловала! – выдохнул он, блаженно улыбаясь. – Угу...

– В губы? – уточнил Сухов.

– Э-э... В щёчку. Да какая разница?! Гелла меня по-це-ло-ва-ла! Меня! Представляешь?! Она – меня!

Шурик тут же осёкся, продолжая излучать в любовном диапазоне. По лестнице спускалась Елена в длинной голубой столе,¹⁹ цветущая, радостная и на диво красивая. Следом ступала Гелла в оранжевой тунике, держа Наталью на руках. Ростикку Читти была небольшого, но стройна, белолица, а большие груди её тяжело покачивались, продавливая сосками тонкую ткань.

Олег поймал себя на том, что с удовольствием пялится на Геллин бюст. Хотя почему сразу – пялится? Любуется...

– Ты уже вернулся? – спросила Елена. Она выглядела оживлённой и радостной. – Будем кушать! Ирина, накрывай на стол.

Домоправительница Ирина, женщина строгая и хозяйственная, родом из болгар, поклонилась госпоже и удалилась – строить и школить лакеев. С такой не забалуешь.

Олег взял Елену под руку и повёл в трапезную, где стоял большой овальный стол и удобнейшие стулья с гнутыми спинками.

– Ты чем-то встревожен, милый? – негромко спросила Мелиссина. – У тебя рука напряжена...

– Ничего-то от тебя не скроешь, – улыбнулся Сухов. – Не то чтобы встревожен... Скорее, раздосадован.

– Чем же?

– Не буду портить тебе аппетит. Да ты не волнуйся – так, ничего серьёзного...

---

¹⁹ Стола – длинное платье прямого покроя, подвязывалось поясками в талии и под грудью.

Омыв руки, все расселись и отдали должное мастерству повара – художника Никомеда, чья тощая статья не соответствовала расхожему мнению о тучных кулинарах. В меню была нежнейшая телятина с разваристыми бобами, обильно политая соусом, душистым, острым и архи-сложным в приготовлении – одних трав надо было покрошить десятка три видов. Но получилось очень даже вкусно.

Олег оглядел сотрапезников. Елена и Гелла кушали как птички, не доедая даже свои кукольные порции. Игнатий приканчивал уже вторую добавку, регулярно напоминая Пончику о трапезе – протоспафарий, в основном, пожирал глазами сеньору Читти, изредка, когда Фока непочтительно пихал его в бок, накалывая двузубой вилкой пару бобов или кусочек мяса.

Сухов отмахнулся от лакея и сам разлил вино по драгоценным стеклянным кубкам.

– Пончик, – сказал он, – плесни компота Геллочке.

Протоспафарий кинулся исполнять просьбу, едва не пролив весь кувшин на обожаемый им предмет, чуть не умер от огорчения, но все же умудрился наполнить кубок ягодным отваром, почти не измарав скатерть.

Читти улыбнулась, мимоходом осчастливив Пончика, и поделилась напитком с Натальей. Пей, дитятко, пей...

Отхлебнув вина, Олег сказал:

– Сообщаю пренеприятнейшее известие: базилевс повелел, и я должен отправиться в Киев. Хочет наш Святейший напакостить хазарам по-крупному – и чужими руками. Не получилось у него аланов натравить на каганат, так решил он побить хазар войском русским, напустить на них дружину Ингоря, сына Рюрика...

– А ты? – спросила Елена.

«По-моему, она не слишком-то и опечалена», – ревниво подумал Сухов и буркнул вслух:

– А что я? Хватаю своих варягов и двигаю Ингоря Рюриковича уговаривать, золото-серебро сулить...

Тут Гелла прижала к себе Наталью, так, что глаза кормилицы только и были видны из-за светлого чубчика, и сказала волнующим грудным голосом:

– Александр, ты тоже будешь героем?

Пончик, который в это время растерянно смотрел на Олега, соображая, как же ему быть, мигом втянул живот, выпрямился и решительно, солидно проговорил:

– Конечно. Куда ж они без меня? Угу...

Сухов испустил нарочито длинный вздох, косясь на Елену, однако прилива любви и нежности не дождался. Вернее, прилив-то был, но весь запас тёплых чувств жена растратила не на мужа. «Всё лучшее – детям».

– Кому мы тут нужны, Понч? – сказал Олег, преувеличенно печалуясь.

– Им нас совсем не жалко! – подхватил Шурик горестно, взглядывая на Геллу. – Угу...

– Скучать и тосковать по нам уж точно никто не станет.

Посмотрев на обеих мамочек, с увлечением менявших пелёнки Наталье, Сухов вздохнул уже неподдельно и махнул обречённо рукой.

– Пойдём собираться, Понч.

– Пошли... Угу.

Тщательно отмывшись в купальне, Олег переоделся в чистое и поднялся к себе. Елена уже была там – она стояла у сундука-«башенки», откинув высокую крышку, и впрямь похожую на четырёхскатную кровлю.

– Смену белья возьмишь, – сказала Мелиссина непререкаемым тоном, выкладывая сложенные вещи, – полотенце не забудь... А где твой сагий?²⁰

– Лето на дворе, – проворчал Сухов, – буду я ещё жариться в сагии...

---

²⁰ Сагий – плащ-накидка.

Женщина повернулась к нему, изгибая губы в сладкой улыбке, положила руки Олегу на плечи.

– Ты меня к Наталье ревнуешь? – промурлыкала она. – Глупый мой варвар...

Сухов притянул Елену к себе, чувствуя, как кровь начинает потихоньку закипать.

– А давай прямо здесь? – сказала Мелиссина, быстро подбирая подол столы и стягивая её с себя.

– А давай!..

...Отплывали рано утром, когда солнце едва показало краешек за кипарисами на восточном берегу Босфора.

Ладная, длиннотелая скедия²¹ отчалила, толкаемая вёслами и подгоняемая красно-белым парусом. «Чёртова дюжина» в полном составе гребла, а светлый князь Инегельд гордо восседал на месте кормщика.

Олег устроился посерединке, у самой мачты – сидел, полуприкрыв глаза, и слушал, как скрипит дерево, как острый нос скедии надрезает шумливую волну. Унылый Пончик расположился тут же, длинно и тоскливо вздыхая.

– Что развздыхался? – пробурчал Сухов. – Нечего было в добровольцы записываться, сидел бы дома.

– Ага, – тускло сказал протоспафарий, – а что бы я Гелле сказал? Извини, мол, не гожусь в герои? Ещё чего...

– Тогда не вздыхай.

– Буду, – буркнул Пончик.

Усмехнувшись, Олег пересел на свободную скамью – погрести. Перед ним пыхтел огромный Малютка Свен, похожий на учёного медведя, позади кряхтел Ивор Пожиратель Смерти, изящный, как девушка, и опасный, как демон ночи.

– Устал сидеть? – добродушно пробурчал Свен.

– Да сколько ж можно... Руки нам не для того вставлены, чтобы их на коленях складывать.

– Эт точно...

И варяги продолжили тягать вёсла. Земля отдалилась, засинела зубчатой полоской, утончилась до линии и пропала из глаз. Одно море раскинулось кругом. Русское море.²²

Пересечь Понт Эвксинский было проще всего – попутный ветер исправно поддувал в широкий полосатый парус. Подняться по Днепру стоило усилий куда больших – четыре недели гребли варяги, одолевая течение. Слава Богу, на порогах их никто не поджидал – ни угры, ни печенеги засад не устроили, даже Айфор²³ удалось пройти тихо и мирно.

А вот выше по реке, уже в пределах Киевского княжества, «Чёртовой дюжине» перестало везти – громадный, полупритоленный ствол дерева проломил скедии днище. Пришлось варягам разделиться – шестеро остались с Инегельдом, корабль чинить, а остальные отправились пешком по возвышенному западному берегу, пока не вышли к стойбищу булгар-ульгинзуров, коих славяны прозывали уличами.

Здесь варяги присмотрели себе степных лошадок – коротконогих, с толстыми шеями и длинными гривами. Сторговались быстро – ромейское серебро сразу нашло путь к сердцам табунщиков. Сёдел, правда, не было, одни вонючие попоны, так и ехать было недалёко – в

---

²¹ *Скедия* – варяжский корабль, классом ниже лоды, рассчитанный на 40 гребцов.

²² Ныне Чёрное. Ромей прозывали его Понтом Эвксинским.

²³ *Айфор* – «Водопад на волоке» – самый опасный из днепровских порогов, его обходили по суше, переволакивая суда «в объезд» за шесть вёрст.

дневном переходе к северу находился Витахольм, варяжская крепость на Днепре, а оттуда до Киева вёрст тридцать, от силы. Рядом совсем!

... Олег не торопил своего лохматого коня, он благодумствовал. Полуденное солнце пригревало, но душно не было – по правую руку протекала великая река, уносящая к морю прорву мутно-зелёной воды, а слева поддувал ветерок, щекоча ноздри горьким травяным духом. Хорошо!

Отряд взбирался на крутые склоны, стараясь держаться низин или пробираясь дубравами, спускался в глубокие, сырые овраги, вскачь одолевал клинья степи, прорывавшейся к самому берегу Днепра, выносившей к камышам широкие разливы зелёного ковыля.

Сухов ехал налегке, доверив латы и оружие выючной лошади.

Впереди скакали Свен с Ивором, сзади догоняли Акила Длинный Меч и Фудри Московский, а Стегги Метатель Колец на пару с Сауком, сыном Тааза, прикрывали магистра и прото-спафария с флангов.

Еле заметная тропа завела кавалькаду в густой ольховник, за которым открылась бесконечная зелёная равнина. Степь поднималась навстречу дремучими травами, бурьяном такой высоты, что коня укрывала с головой. Дикое Поле.²⁴

Стоял июнь, степь продолжала цвести – отходила нежная голубизна незабудок и золотистые разливы крестовика и лютика, начиналось царствие тёмно-лилового шалфея. Пахло им же и ещё полынью.

Разъезжать у всех на виду в степи – очень нездоровое занятие, но уже открылся взгляду высокий мыс, на котором крепко сидела деревянная крепость.

– Витахольм! – довольно прогудел Малютка Свен.

Сухов кивнул, соглашаясь, и в то же мгновение свет, заливавший реку и поле, померк. Небывалая, немыслимая тишина упала на степь. По небу разлилось странное сиреневое сияние, отсветы его пробегали по траве, бросая на изумлённые лица варягов лиловые тени.

– Ах, чтоб вам пропасть!.. – зашипел Олег, ярея, и разразился самой чёрной бранью, какую только помнил.

– Не хочу-у! – заскулил Пончик.

Но бесполезно было ругать или уговаривать мироздание. Откуда ни возьмись, наплыл голубой туман, обездвиживая всё сущее, – и бысть тьма.

...Свет ударил неожиданно, распахнул ясное, холодное небо. Солнце было неярким – алым полушарием выползло оно из-за горизонта, ещё не давая тени, тая в углубинах рельефа ночные сумерки. Воздух был сырой и льдистый.

Олег ощутил себя сидящим в седле – конь под ним испуганно храпел, топчась по рыхлому снегу. Пончик гарцевал рядом – и никого больше, пусто.

Сухов сгорбился, словно под гнётом обрушившегося на него несчастья. Задохнулся, унимая позыв выть и рубить наотмашь.

То, чего он больше всего боялся, всё-таки произошло – их с Пончиком опять, в который раз, перебросило во времени. Раньше это хоть и бесило, но представлялось приключением, а теперь... Теперь случилась беда – между ним и Еленой пролегла пропасть. Век разделил их или вечность – какая разница? Всё едино – навсегда. Или – разгорелась вдруг безумная надежда – весна пришла, года 937-го?!

Вокруг стелилась степь, холмистым раздольем убегая к западу. Снег лежал рваным серым покрывалом, Днепр был скован льдом. Изо рта у Олега шёл пар, а Пончик, известный мерзляк, и вовсе заоченел.

– Февраль, – определил Сухов. – Или март.

---

²⁴ *Дикое Поле* – так называли степь на Руси.

– Ты так спокойно об этом говоришь! – страдающим голосом сказал Александр. – А ведь, если нас опять перекинуло лет на сорок, как тогда, то всё! И Гелла, и Елена давно состарились, даже твоя Наталья уже взрослая тётка! Мы их потеряли! Слышишь?!

– Заткнись, – процедил Олег.

Минутное отчаяние как накатило на него, так и схлынуло, зато в груди заклокотала злоба, бешеная ярость поднималась из глубин души – да сколько ж это можно?! Никому не позволено, ни Богу, ни Гомеостазису Мироздания, так жестоко изгаляться над человеком! Есть некая таинственная сила, которая стремится вернуть их с Пончем в «родное» время? Ладно! Так пусть возвращает сразу, пока ты не врос в чужой век, пока не сроднился с ним, не укоренился дружбами да любовями! Нельзя вырывать вот так, с кровью, с сукровицей! Больно же!

Чудовищным усилием воли Сухов подавил осатанённость. Кому тут пенять? К кому звать?

Привычно хлопнув по боку, меча он не обнаружил – его верный акуфий²⁵ остался в прошлом, на вьючной лошади.

– Т-твою-то ма-ать... – протянул Олег и ощупал кошель на поясе. Не туго, но увесисто. И ещё здоровый кинжал в ножнах. Вытащив клинок, Сухов посмотрелся в блестящее лезвие.

– Называется: «Приплыли», – сказал он.

Сощурившись, магистр осмотрелся. Степь, да степь кругом... И ни единого следа на мокреющем насте, кроме тех, что оставили их кони. Какой-нибудь печенег обалдеет, когда увидит отпечатки – с неба эти скакуны свалились, что ли? Или время печенегов уже вышло? Витахольм вдали почти не изменился, разве что больше стал...

– Поехали, Понч, – сказал Олег, – оденемся по сезону.

– Да что ж ты за человек такой? – простонал Шурик. – Или тебе всё равно?

– Мне не всё равно! – с силой ответил Сухов. – Но я не позволю себя сломать ни человеку, ни закону природы! Не дождутся, понял?

– Господи... Господи... – запричитал Пончик, крепко зажмуриваясь и трясая головой. – Что ж нам делать-то?

– Жить, Понч, – сказал Олег с прочувствованностью и похлопал товарища по плечу. – И пошло оно всё на хрен!

Он замолчал, оглядывая расстилавшуюся степь, Днепр, бронированный чёрным льдом с налётами снега, серое небо, спешащее голубеть, и красное солнце.

Ненавижу, подумал он. Ненавижу этот мир, этот век. Всех тут ненавижу. Тем хуже для них...

– Поехали, Понч, – сказал Сухов и направил коня к Витахольму.

---

²⁵ Акуфий – меч в виде клюва цапли, хорошо «вскрывал» кольчужные доспехи.

Глава 2, в которой Олег производит себя в рыцари

Был Витахолм, да весь вышел – покинули его варяги. Видать, на север перебрались, к воле новгородской поближе, от князей киевских подальше. Ныне крепость звалась Витичев холм и выглядела запущенной – нижние венцы городских стен подгнили, шатровые кровли на башнях, некогда крытые тёсом, обветшали так, что оголились рёбра стропил. Посад²⁶ на склоне горы тоже измельчал – десяток рыбацких изб торчал между крепостью и берегом, да столько же бань, вот и всё поселение.

Сухов помотал головой – окружающий мир был, настолько реален во плоти своей, что рассудок отторгал самую мысль о путешествии во времени. Путешествие с пересадками – криво усмехнулся Олег и тут же нахмурился, сжал зубы: хватит! Довольно об этом.

Проехать в город удалось легко, стража у воротной башни магистру с протоспафарием не препятствовала, только проводила их глазами, удивляясь странной заморской одежде.

– Холодно! – пожаловался Александр.

– Потерпишь, – буркнул Сухов.

– Чего ты такой злой? – обиделся Пончик. – Между прочим, я не меньше твоего переживаю! Угу...

Олег почувствовал прилив раздражения.

– Кто тебе сказал, что я вообще переживаю? – накинулся он на товарища. – Да по фигу мне это время! Мне всё по фигу!

– Не злись, – миролюбиво сказал протоспафарий, ещё пуще разозлив Сухова.

– Не лезь ты ко мне! – грубо ответил магистр. – Я тут поубивать всех готов, а он лезет...

Шурик надулся и отвернул голову. Легче Олегу не стало, но хоть злость прошла, сменилась глухой досадой. Воистину, проще убить кого-то, чем успокоиться...

Выехав в город, Сухов осмотрелся. Маленькую площадь, на которой он находился, замыкали большие бревенчатые амбары, крытые почерневшим камышом. Грязный снег вокруг был вытопан в мерзкую бурую жижу, копыта коней противно плюхали по ней, но горожане как будто и не замечали этого – они суетились, радовались, переговаривались громко и весело.

Олег напряжённо вслушивался в звуки их речи. К его великому облегчению, он понимал то, о чём говорили жители Витичева холма – люди переживали, хватит ли зерна до нового урожая, ругали скупердя Микиту Творимирича, хвалились выдержкой хмельного мёда, грозясь в одиночку вылакать целый жбанчик, тем более, и повод есть – Новый год как-никак! Грех не выпить!

Тут же Сухов припомнил Инегельда. Ещё быстрее он запретил себе думать об этом, а то мигом потянется ассоциация, связывая «Дом Варвара» с регеоном Арториан, где напротив церкви Святого Сампсона живёт... Стоп!

Олег сосредоточил все мысли на настоящем, боясь даже памятью возвращаться в прошедшее.

Язык, на котором он разговаривал с Боевым Клыкком, был грубее того, что слышался на улицах Витичева холма, – грубее, резче, выпуклей, что ли. Ныне говор стал напевней и мягче – чувствуется влияние славинских наречий. Вот некий Местята упрекает соседа: «Данило, чему еси давно те пришёл, а ныне еже еси пришёл, а то добро же, пьеши ли наше питие?» (Данило, почему раньше не приходил, а теперь пришёл? Но и то хорошо. Пьёшь ли наше питьё?) А

---

²⁶ *Посад* – то же, что и слобода; поселение вне городских стен.

Данило отвечает Местяте: «Доселе есмь не пил, ныне же ты велишь, пью!» (Раньше не пил, но теперь ты велишь, поэтому пью!)

Тут целая орава посадских мальчишек высыпала из проулка. Чумазые от копоти курных изб, одетые как попало – кто в рваном отцовском полушубке, кто в материнной душегрейке, – мальчиши, взбудораженные праздничной суматохой, заозирались, выискивая приключений на задницу. И доискались – стали потешаться над скарамангиями пришельцев, дразниться и обзываться противными голосами:

- Эй, скоморох на лошаде !
- Глянь-ко, чисто пугало!
- С огорода сбежало, коняку зажало!
- Чучело! Чучело!

Обычная сдержанность изменила Сухову – он замахнулся, но мелкая шпана ничуть не испугалась. Издавая неприличные звуки и хохоча, мальчишки стали подбирать с земли конские «яблоки» и бросаться в «скоморохов». Здорово разозлённый, Олег спешил – и угодил в яму. Под настом из мокрого снега воды было по колено. Ледяной.

Малолетки завизжали от восторга, а распаренный, краснорожий мужик в наброшенном на плечи тулупе, наблюдавший эту сцену, гулко загоготал, приседая и шлёпая себя по ляжкам.

Не помня себя, Сухов выхватил кинжал и бросился на обидчиков.

– А ну!..

Завопив, мальчишки дунули в щель между амбарами. Мужик в тулупе кинулся следом, втесался, но застрял – и заорал благим матом:

– Рятуйте, православные!

Проклиная всё на свете, Олег забрался на чалого. Всё не так! Всё не там!

Уняв дыхание, Сухов медленно сосчитал до пятнадцати. Спокойствие, только спокойствие... Перехватив испуганный взгляд Пончика, Олег решил помириться и сухо сказал:

– И вправду холодно...

– Ага! – с готовностью отозвался Александр.

– Слушай, Понч... это самое... будь другом, сгоняй вон к церквушке, узнай хоть, какое время на дворе.

– Сейчас я!

Шурик порысил к маленькому храму, приткнувшись к крепостной стене, и, не слезая с седла, задал вопрос проходившему мимо попу, толстому и важному. Поп понял его и дал ответ. Вернувшись, Пончик проговорил в возбуждении:

– У них тут Новый год! Представляешь? Первое марта одна тыща двести тридцать седьмого года!²⁷ Угу...

– Да-а... – протянул Олег. – Закинуло нас...

Александр, только что оживлённый, увял, поник весь.

– Триста лет минуло... – сказал он. – Всех наших давным-давно нет уже... Угу...

– Молчи! – жёстко потребовал Сухов. – Забудь! Понял?

– Понял-то я, понял, – вздохнул Шурик, – только как же тут забудешь?

– А ты делом займись, – присоветовал Олег, – некогда думать будет. Короче. Ставим перед собой цель и добиваемся её. А какая у нас цель? А та же, что и раньше, – рваться вперёд и вверх! Рваться и рвать всех подряд, кто помешает нашему возвышению. А для начала надо приискать князя, чтобы послужить ему и выбиться в люди.

– А потом? – спросил Шурик.

– Суп с котом. Поехали к торгу!

---

²⁷ В старину Новый год встречали по ромейскому (и римскому) обычаю, по церковному календарю – 1 марта.

И они поехали – мимо покосившейся звонницы, мимо высоких заборов с грязными, осевшими сугробами в тени, мимо старого терема, мимо постоянного двора, прямо к рыночной площади, куда, казалось, сошло всё население города. Одни продавали, другие покупали, и все орали наперебой, перекивая друг друга:

– А вот жито! Зернышко к зёрнышку! Сухое да звонкое!

– Рыбка, рыбка свежа-айшая! Только что из Днепра!

– Кому мёду? Хорош медок! Липовый! А уж как пахнет...

– Мясо парное, ишшо остыть не успело! Глянь только – ни хрящика, ни жиринки, мякоть одна!

Народ вокруг разный суетился, горожане, в основном, да степняки. Хотя различишь не сразу – витичевцы кутались в рыжие и бурые армяки,²⁸ подвязанные кушаками, а кочевники носили тёплые халаты и кафтаны, разве что с запахом на другую сторону – разница невелика. И на лицо похожи были местные – все одинаково черноволосы да черноглазы, разве что степняки поскуластее выглядели, да чуток пораскосее, а ежели мельком глянуть, то не сразу и распознаешь, кто есть кто. Из разговоров в толпе Олег уяснил, что кочевники тут не пришлые, а вроде как свои, хоть и не коренные, – торки, печенег, берендеи, ковуи. Всех их «чёрными клубуками» прозывали – за войлочные колпаки-капюшоны. Посмотришь со спины – вроде монах-черноризец шагает, а как обернётся – лицо загорелое, кострами копчённое, бородёнка в косичку заплетена, а глаз с прищуром, целится будто. Степная порода.

Ну, это, так сказать, гости города, а вот как прикажете хозяев называть? Раньше-то просто было – тут соседствовали северяне-русы и южане-славяны. А теперь, триста лет спустя?

Оказалось, что все тутошние – киевляне.²⁹ Не жители града на Днепре, а люд, населяющий Киевское княжество, подданные великого князя, что в Киеве сидит и оттуда правит. Восточней проживали черниговцы, к западу – галичане, дальше на север – рязанцы да смоляне. Разобщённые, чужие друг другу. Друг другу? Скорее уж, враг врагу... Печенег какой-нибудь, вольный сын степей, был киевлянину ближе, чем гордец-новгородец или задавака-суздалец.

– Хватит сидеть, – бодро сказал Сухов. – Слезай, пройдемся!

– Да ну, – сказал Пончик боязливо, – тут собаки...

– Ну и что? Пинками тех собак!

– Ага! А если укусят?

– Так я ж и говорю – пинками! Пошли.

Олег покинул седло и неторопливо прошёлся по рядам, ведя чалого в поводу. Привязывать его к коновязи он опасался (вдруг уведут?), да и просто захотелось подвигаться, согреться.

«Меховые изделия» удалось купить по дешёвке – не сезон. Сухов быстро переоделся, накинув поверх рубахи кунью шубу, крытую вишневым бархатом-аксамитом, с откинутым бобровым воротом, и прикрыл голову войлочной шапкой с разрезом спереди.

– Ну как? – спросил он у Пончика.

– Все девки – твои! – ухмыльнулся тот и пригасил улыбку, вздохнул.

– Чего развздыхался? Меряй!

– Может, чего попроще? – неуверенно проговорил Александр. – Денег жалко... Угу.

– Чего их жалеть? Деньги на то и придуманы, чтобы их тратили. Лично я собираюсь ко двору князя киевского, а там по прикиду и встречаются, и провожают. Ты со мной или как?

– С тобой!

– Ну так меряй!

²⁸ Армяк – длиннополое теплое одеяние из армячины – верблюжьей шерсти. Больше всего напоминало просторную, безразмерную шинель. Подвязывался кушаком.

²⁹ Если выговаривать по тогдашним правилам, то «кияне». Но слово «киевляне» нам привычней.

И Пончик примерил бобровую шубу, обшитую сукном, и круглую шапку с соболиной опушкой.

– Ну, вот, – оценил Олег, – совсем другое дело.

Рассчитываясь с суетливым торгашом золотыми номисмами,³⁰ Сухов принял на сдачу серебряную гривну и полную горсть мелочи – кожаных кун и векш.³¹

Приосанившись, Олег проследовал к оружейникам. Народу возле лавок, торговавших доспехами, щитами да оружием, было немного – уж больно дорого всё. Трёх коней можно было приобрести по цене одного простенького меча, а за полный набор доспехов и воинских «орудий труда» отдашь столько гривен, что хватило бы на покупку стада коров, голов этак с десяток-полтора.

Среди бойких купцов Сухов сразу выделил «чужеродное тело» – долговязого крестоносца, зябко кутавшегося в свой плащ. Видать, из самого Константинополя прибыл «лыцарь», да поиздержался, раз уж понёс на торг свою «сбрую»³² – длинную кольчужную рубаху-хауберк, с капюшоном и «варежками», ведёрчатый шлем с прорезями для глаз и дырочками для дыхания.

Покупатели обходили рыцаря стороной, прицениваясь к привычным шеломам³³ и панцирям из бычьей кожи. Заметив интерес Олега, долговязый оживился.

– Не желаете ли купить? – прожурчал он в манере разбитного продавца, разве что с запинками в трудных словах. – Всё в лучшем виде, работа знатнейших мастеров Милана и Аугсбурга! Как раз ваш рост, словно кто мерку снял!

Его русская речь была удивительно чиста, разве что подчёркнуто чёткий выговор выдавал в рыцаре инородца.

– Вы говорите по-гречески? – спросил Олег церемонно.

– О, да!

– С кем имею честь?

Крестоносец неуловимо изменился – он будто вырос, сквозь торгашескую угодливость прорезалось достоинство.

– Барон Гийом де Танкарвиль, – представился рыцарь.

– Магистр Олегарий, – отрекомендовался Сухов. – Приветствую вас, милорд. И позвольте вам представить моего друга, протоспафария Александра.

Гийом и Шурик сдержанно поклонились друг другу.

– Что привело вас на эти стылые берега? – вежливо поинтересовался Олег, переходя на русский.

Барон улыбнулся.

– Под уч-ти-во-стью сиятельный магистр скрыл иной вопрос, – сказал он. – Почему рыцарь продает свои доспехи? Видит Бог, я верно служил и храбро сражался, посему и был отягощен грехами тяжкими. Меч мой испил немало крови сарацин, но поднимать его на христиан только за то, что они право-слав-ные... – барон де Танкарвиль покачал головой. – Нет, этого моя душа не приемлет. Я решил уйти от мира и за-тво-риться в тихой обители, где проведу остаток дней в молитвах, взыскуя покоя...

Сухов кивнул и скинул шубу. Натянул на себя толстый стеганный гамбезон – мягкую подкладку под кольчугу, гасящую удары. Хм. Надо же... И впрямь, будто по нему сшито.

³⁰ Византийская золотая монета (3,79–4,55 г, в зависимости от эпохи). Чеканилась с IV века н. э.

³¹ Тогдашняя денежная система опиралась на серебряные гривны (49,25 г). Одна гривна была равноценна 25 ногатам, или 50 кунам, или 100 векшам.

³² Понятия «латный костюм» в те времена не существовало. Доспехи подчас назывались просто «сбруей».

³³ *Шелом* – сфероконический шлем с плавным переходом в остриё на верхушке. Хорошо защищал от вертикальных ударов мечом или саблей, потому и продержался у русских витязей несколько веков подряд.

Гийом помог магистру надеть скрипящий доспех. Олег натянул меховой подшлемник, просунул голову в кольчужный капюшон, затянул шнурок вокруг лицевого отверстия. Плосковерхий, похожий на бочонок шлем довершил облачение. Шлем сидел как влитой. Благодаря ременной подкладке, он не давил, зато облегал плотно, в самый раз. Смотреть на мир сквозь узкие прорези Сухову было непривычно, но это пустяки, дело житейское.

– Ну, как? – глухо раздался его голос. Пар от дыхания протёк через насверленные дырочки.

Пончик выразительно показал большой палец:

– Класс!

Олег величественно кивнул и стащил шлем.

– Я беру латы, – сказал он.

– А меч?

– И меч.

– Слава тебе, Господи! – вырвалось у барона.

Сухов выскреб остаток золота из кошелька и передал его Гийому.

– О, сиятельный! – с чувством изрёк рыцарь. – Вы меня спасли! Скоро уже лёд сойдет, и к югу двинется купеческий караван, а у меня ни гроша на дорогу! Уж год минул, как я тут око-ла-чиваюсь. Послали меня к великому князю киевскому с поручением, а вот обратно всё никак не выберусь... Что ещё могу я сделать для своего благодетеля?

– Расскажите, милорд, о князе – сам к нему направляюсь. Кто он и что он?

Гийом смутился.

– Это сложно, сиятельный, – сказал он с запинкой. – В том году княжил Владимир Рю-ри-кович, но он попал в плен к половцам...

– К «чёрным клобукам»? – вставил Олег, демонстрируя свою осведомлённость.

– Что вы, сиятельный! «Чёрные клобуки» – пострадавшая сторона. Половцы изгнали их из степи, и те немного обрусели, крестились даже, многих к оседлости потянуло. А степь не зря зовётся Половецкою... Так вот. Трон Владимира Рюриковича занял Изяслав Мсти-сла-вович «Смоленский». Зимой великий князь Владимир выкупился из плена и выгнал Изяслава из Киева...

– Ага... – задумался Сухов. – Чувствую, без пол-литра тут не разберёшься...

– Что? – не понял барон.

– Я говорю, просто так в нынешней сложной политической обстановке не разобраться. Буду обязан, если милорд согласится разделить с нами трапезу.

– Плачу я! – поставил условие Гийом.

– Идёт!

Харчевня отыскалась неподалёку – это была огромная изба с низким закопченным потолком, подпёртым резными деревянными столбами. Тусклый свет, падавший из малюсеньких окошек, заделанных слюдой, уступал отблескам огня из открытой печи, напоминавшей камин и такой огромной, что хоть быка в ней жарь. В душном полумраке угадывались длинные столы и скамьи. Скамьи, натёртые седалищами, блестели, словно покрытые чёрным лаком, а вот столешницы сияли белизной скоблёного дерева. Пахло дымом и квасом.

– Чистенько, – снисходительно сказал Пончик. – Белый верх, чёрный низ. Угу...

Барон тайком рассчитался с краснолицым кабатчиком, видимо, погашая прошлые долги, и громким голосом заказал мяса, хлеба и вина.

Олег сел за стол, по привычке – спиной к стене. Шурик притулился рядом, Гийом устроился напротив.

– Что вы хотите знать о князе киевском, сиятельный? – спросил он.

– Всё!

Барон потёр редкую рыжеватую бородку, сморщил хрящеватый нос, задумался.

– Тут такой узел завязался, – протянул он, – что слова и дела одного лишь князя киевского не выпростать из общей путаницы...

– А вы по порядку, милорд, – спокойно ответил Сухов. – И учтите, что я совершенно не знаю, что здесь творится. Давно не был. Очень давно...

– Хорошо! – тряхнул головой Гийом. – Начать надо с того, что на востоке Киевское княжество соседствует с Черниговским. Там правит Михаил, старший из рода Ольговичей, сын Всеволода Чермного. А на западе проходит граница с княжеством Галицким, на чей престол раз за разом пытается взойти Даниил Романович, волынский князь. И все эти три больших царства-государства раздроблены на множество мелких. Так вот... Тут уже лет десять, если не больше, идёт война между местными государями. В начале позапрошлого года князь Даниил потерял Галич. Тогда же к Киеву двинул войска Михаил Черниговский, вместе с Изяславом Мсти-славо-вичем. Тогдашний великий князь киевский, Владимир Рю-ри-кович, пошёл на союз с Даниилом Галицким. Михаил Черниговский отступил, а Изяслав бежал к половцам, с коими весьма дружен, к хану Котяну Сутоевичу. Владимир же с Даниилом повернули на Чернигов, и там к ним присоединился князь Мстислав Глебович. Он отговорил их нападать на Чернигов, но при этом лукавил, поскольку являлся тайным союзником Михаила Всеволодовича и желал измотать князей галицкого и киевского в мелких стычках.

– А Мстислав Глебович – это кто? – спросил Пончик.

– Мелкий феодал, – ответил Олег со знанием дела. – И что было дальше, милорд?

– Повоевав под Черниговым, – продолжал барон, – князя повернули на запад и, не доходя до Киева, столкнулись с половцами, призванными Изяславом Мстиславовичем... Так вот. Даниил и Владимир повернули в степь и у Торческа, города «чёрных клобуков», их полки были смяты и рассеяны войском половецким. Владимир Рю-ри-кович угодил в плен, а Даниил Романович бежал в Венгрию, к королю-крестоносцу Эндре II, где близко сошёлся с австрийским герцогом Фридрихом Бабенбергом. Даниил всё искал стороннюю помощь, но его преследовали неудачи. Понадеялся Романович на союз с поляками – не вышло. Венгры... Умер король Эндре, и в октябре на престол должен был взойти давний противник Даниила, Бела IV. Волынский князь... как тут говаривают – из кожи вон лез, лишь бы угодить новому государю и склонить его на свою сторону. Он даже шагал в составе коронационной процессии в Секеш-фехер-варе, как последний вассал – вёл под уздцы королевского коня. Не помогло!

Тогда же бояре галицкие зазвали к себе в князя Михаила Всеволодовича, а Изяслав, сын Мстислава Романовича Старого, сел на трон в Киеве. Так Господь одним угодовал поражение, а другим даровал победу...

Тут пышнотелая девица принесла запотевшую амфору-корчагу, разлила вино по чарам, быстренько обернулась, расставила блюда с парящим мясом, порезала духовистый каравай.

Троица налегла на вино и закуску. После второй чарки Гийом отёр усы и продолжил «политинформацию»:

– Так вот... – сказал он внушительно. – Весною прошлого года Михаил Черниговский затеял поход на Владимир Волынский, где в ту пору засел Даниил Романович. Тогда же Владимир Рюрикович выкупился из плена, изгнав из Киева князя Изяслава. Он снарядил и послал в помощь Даниилу Галицкому союзных «чёрных клобуков» и полк воеводы своего, Данилы Нажировича. Войско сие взяло в полон князей Волховских, и Михаил Черниговский, объединившись с Конрадом Мазовецким...

– Польским королём? – решил блеснуть познаниями Олег.

– Ах, что вы, сиятельный! Короля в Польше давным-давно нет, там творится то же, что и здесь, – некогда единая страна порезана на княжества-лоскутки. Ими правят Генрих Набожный, Владислав Тонконогий, Болеслав Стыдливый, Лешек Белый и ещё добрый десяток мелких властителей. А Конрад княжит в Мазовии. Так вот. Объединившись с ним, с половцами Изяслава, Михаил Черниговский осадил Владимир, якобы желая вызволить болховцев... И

тут половцы изменили, ушли к Владимиру Рюриковичу! И всё! Конрад Мазовецкий бежал, потопив половину войска на переправе, Михаил Черниговский отступил, а Изяслав Мстиславович снова захватил Киев. И вот, уже этой зимою, Даниил Романович и Владимир Рюрикович обратились к Ярославу Всеволодовичу, князю переяславскому, под чьею рукой сам Новгород Великий, и предложили ему занять киевский стол... Ярослав Всеволодович согласился. Да любой рыцарь на его месте дал бы согласие! Оставив Новгород на сына своего, Александра Храброго,³⁴ князь выступил с войском, разоряя города в землях черниговских и тяжкие откупы собирая с них. Ныне Ярослав Всеволодович должен уже к Киеву подойти, а что дальше станется – Бог весть!

– Понятненько... – проговорил Олег и разлил вино по третьему разу. – Тогда поспешим навстречу князю переяславскому и поможем ему обрести трон киевский!

– Поспешим... – эхом отозвался задумчивый Пончик и вострепнулся: – Э-э... Милорд! А не расскажете ли о Константинополе? Что вообще творится в тех краях? – Перехватив предостерегающий взгляд Сухова, Александр торопливо пояснил свою просьбу: – Мы очень давно не были в империи, странствовали повсюду, то в Азию нас занесёт, то в Африку...

Чувствуя, что перебрал в выдумках, Шурик смолк, но де Танкарвиль, изрядно захмелевший, принял его слова за правду.

– А что еще может твориться в Латинской империи,³⁵ кроме всеобщего развала? – горько спросил он, поняв вопрос по-своему. – Тридцать лет и три года тому назад венецианцы, купцы и скупцы, устроили страшную резню в Константинополе. Они разграбили всё, что можно и нельзя, – могилы разрывали, коней с императорской трибуны на Ипподроме стаскивали, даже с фресок Святой Софии соскребали сусальное золото. И всё! Не восстать более блистательному Царьграду! Душою скорбел, когда видел запущенное, неопрятное захолустье, каковым стал Второй Рим, а народу там проживает вдесятеро меньше, чем бывало – целые улицы стали выморочными.

Ныне императором коронован Балдуин II, но в Киев меня послал не он, а Иоанн Бриеннский, бывший король Иерусалимский, выбранный баронами регентом и пожизненным правителем империи. Увы, Иоанн де Бриенн умер, а Балдуин обнищал настолько, что ездит по европейским дворам и выпрашивает подачки. Терновый венец Спасителя он заложил в Венеции, выкупить не смог, и священная реликвия была приобретена Людовиком Святым.³⁶ Да что там говорить, если Балдуин тем же богатеньким венецианцам заложил собственного сына Филиппа!

Гийом выпил подряд две чарки вина, взгляд его помутнел, а речь стала бессвязной.

Олег с Пончиком переглянулись, кивнули и покинули заведение.

На свежем воздухе хмель малость выветрился. Веяло теплынью, так что Сухов решил остаться как был – в рыцарских латах. Отвязав своего чалого, Олег приторочил к седлу выючок с шубой и вскочил в седло. Пыхтя, Пончик взобрался на своего гнедого.

– Была империя и не стало... – пробормотал он, всё ещё находясь под впечатлением рассказа барона.

– Знаешь, какая мне мысль в голову пришла? – обратился к нему Сухов.

– Не знаю. Угу...

– Мы тут пока чужие, не обвыклись ещё. Что, если я князю представлюсь странствующим рыцарем?

---

³⁴ Будущий Александр Невский.

³⁵ *Латинская империя*, или *Романия*, – государство со столицей в Константинополе, образованное рыцарями-крестоносцами в 1204 году.

³⁶ Французский король Людовик IX Святой (1214–1270).

– А что? – обдумал идею Пончик. – Не так уж и глупо. Угу...

– Пойдёшь в оруженосцы?

– Как Санчо Панса? – подозрительно спросил Шурик. – Намечаешь на мой излишний вес?

– Да Бог с тобою! Напекаю, что к рыцарской службе ты не годен.

– А к чему годен? – пробурчал протоспафарий. – В смысле, что я должен буду делать?

– Повсюду таскаться за мною и оказывать первую медицинскую помощь.

– Ну, это я умею! – повеселел Пончик.

Беседуя на темы будущего возвышения, друзья направились к городским воротам. По дороге их обогнала компания «чёрных клобуков» – трое степняков сопровождали четвёртого. Этот четвёртый сразу не понравился Олегу. Во-первых, не похож он был на торка или печенега – тех легко было спутать с русским человеком, а этот выглядел чужаком даже для половцев – лицо плоское и тёмное, цвета седельной кожи, глаза совершенно косые, усы длинные свисают, а борода «лопаткой» подстрижена. Во-вторых, держал себя плосколицый до того надменно, что поневоле вызывал раздражение.

Вперив тяжёлый взгляд в Олега, плосколицый словно ожидал угодливого поклона. Не дождался и спросил властно, не тая угрозы:

– Что уставился, орос?

– Тебя не спросил, – ответил Сухов с лёгким пренебрежением.

Глаза чужака полыхнули бешенством, скрюченные пальцы метнулись к сабле в роскошных ножнах, но Олег уже поглаживал рукоять меча.

– Гуляй! – процедил он, страстно надеясь сойтись в поединке с этим неприятным степняком. Но удовлетворения Сухов так и не получил.

По лицу чужеземца пробежала судорога, на лбу выступили капли пота. Чудовищным усилием совладав с собой, он повернулся в седле, «сохраняя лицо».

– Хуррагш!³⁷ – прорычал чужак.

Повелительный взмах рукой – и все четверо порысили к воротам.

– Он на монгола похож, – неуверенно произнёс Александр и протянул, расширяя глаза: – Слу-ушай... А может, уже монголо-татарское иго наступило?!

– Может, – согласился Олег.

Вдохновившись, Шурик с жаром предположил:

– А этот, с плоской мордой, шпион из Орды! Круто?!

Сухов покусал губу и спросил Пончика:

– У тебя что было по истории СССР?

– Чего-чего? А-а... «Четвёрка», по-моему. А что?

– Даты хорошо помнишь? Когда случилось Батыево нашествие?

Александр задумался.

– Кажется, в тыща двести сороковым, – сказал он без особой уверенности. – Или в сорок первом...

– Чует моя душа, – медленно проговорил Олег, – что скоро мы это узнаем точно. Поехали!

– Куда?

– В Киев.

– В Киев! – эхом отозвался Пончик. – В Киев!

---

³⁷ *Хуррагш!* – «Вперёд!» (*монг.*) Надо полагать, именно от этого древнего монгольского клича произошло русское «Ура!»

Глава 3, в которой Олег завоевывает Киев

Сухов с Пончевым, следуя берегом Днепра, миновали Перевесище – охотничьи угодья князя – и выехали к стольному городу.

Первый раз в Киеве Олег побывал ещё в 860-м. В то лето дружина Аскольда-сэконунга спускалась вниз по Днепру, да и решила сделать остановку. Оно и понятно, ведь сэконунг, «морской король», славен воинскими победами, да и только. Лодьи у него имеются, и храбрцов вдосталь, а вот земель нету ни клочка. И решил Аскольд на старости лет обзавестись каким-никаким княжеством.

В ту пору Киева как такового ещё не существовало. Имелась древняя крепость Самбат да пара-другая крошечных посёлков, раскиданных по горам и долам приднепровским. Аскольд хотел сперва зашибить тамошнего правителя Дира, но тот выразил покорность захватчикам, втёрся к ним в доверие – пригожусь, дескать.

И стал Аскольд-сэконунг жить-поживать да добра наживать. А четыре года спустя на пару с Диром отправился мзду требовать с Константинополя, в чём немало преуспел.

К 921 году посёлочки на Горе и Подоле³⁸ слились в город, а нынче, три века спустя, Киев и вовсе разросся – вона, сколько дымов печных поднимается к небу, а купола золотые блестят как!

За полверсты до городских стен все заросли были вырублены, и деревья, и даже кустарник – не подкрадётся. На пустыре этом Сухов особенно остро почувствовал всю свою неприкаянность и бездомность. Воистину, один в поле не воин...

«Ну, это мы ещё посмотрим», – подумал Олег, направляя чалого к южным воротам киевским, прозванным Лядскими. Вскоре он обнаружил, что те заперты, а на стенах полно народу, оружного и весьма воинственно настроенного. И было отчего – полсотни конников вертелись перед воротами. Они носились туда-сюда, гарцевали, поднимали лошадей на дыбки, изредка постреливали из луков.

Что интересно, узкий мост, переброшенный через ров, был цел. Обычно, когда враг приступал к городу, мосты сжигали, а этот, наверное, просто не успели спалить.

Осаждающие весело материли осаждённых, те отвечали такой же похабенью, словно и не воевали враждующие стороны, а так, сошлись потехи ради.

– Видать, подоспел Ярослав Всеволодович, – сделал вывод Пончик.

– Видать, – согласился Сухов.

Всадники-матерщинники заметили парочку и поскакали навстречу. Александр поначалу осадил коня, но Олегов чалый продолжал шагать, поэтому гнедок, потоптавшись, догнал собрата.

Гикая и свистя, конники закружили вокруг «рыцаря с оруженосцем», а после, повинувшись команде, остановились – кони зафыркали, задёргали головами, пыхая паром и звякая уздой.

Всадники отличались высокими скулами, были курносы и конопаты, а вот их командир выглядел на варяжский манер – светлокожий был и сероглазый, с чубом цвета соломы. Бросалась в глаза и северная привычка биться в пешем строю – восседал варяг на могучем рыжем рысаке, однако кавалеристом был никаким – держался в седле куль кулем.

---

³⁸ *Гора* – Старокиевская гора, историческое ядро Киева, где располагалась крепость Самбатас («град Кия»), выросшая в X веке до «града Владимира», а после и до «града Ярослава». *Подола* – слобода, предградье Киева, занимавшее низину между Горой и реками – Днепром, Почайной и Глубочицей.

Храня невозмутимость, он послал коня вперёд, загораживая Сухову дорогу. Олег хладнокровно завернул чалого, пытаясь объехать старшего, но тот, по-прежнему сохраняя каменное выражение лица, подал рысака назад, не давая проезда.

Конники даже привставали с сёдел, дабы не пропустить увлекательного зрелища, и Олег не разочаровал почтенную публику – мгновенно выхватив меч, он с размаху ударил рысака варяжского плоской стороной клинка. Звонкий шлепок мигом сменился диким ржанием – рыжий рванул с места с такой прытью, что всадник почти упал спиной на круп.

Дорога освободилась, и Сухов чуток пришпорил чалого, хотя и не надеялся, что его оставят в покое. Так и вышло – конники, только что скалившие зубы, сурово нахмурили брови и потянулись к оружию.

– Ребята, – ласково заговорил Олег, – убить-то вы меня, конечно, убьёте, но двоих-троих из вас я обязательно прихвачу с собой. Может, и пятерых – это уж как повезёт.

– А вот хрен тебе! – воскликнул молодой воин. Он был без шлема, и его большие, лопухастые уши смешно оттопыривались, алая на просвет.

– Уши побереги, – хладнокровно посоветовал Сухов.

Добрый молодец бросил коня вперёд, сверкнула степняцкая сабля... Нет, прямой меч оказался быстрее – клинок отсёк молодчику левое ухо. Струйки не в меру горячей крови протекли за ворот чешуйчатого панциря.

– У-уй! – по-детски вскрикнул молодчик, мигом растеряв весь гонор.

– Займись им, Понч, – обронил Олег.

Демонстрация силы помогла – двое самых безбашенных всадников кинулись на Сухова, но вот основная масса придержала коней, оценив удар – молниеносный, могущий стать смертельным, но не ставший им.

Парочка наехала на Олега с двух сторон, грозя короткими копьями с крючьями, как вдруг раздался грозный бас военачальника, и копейщики неохотно отступили.

Хмурый командир подъехал поближе и спросил:

– Ай издалека?

– Из греков, – ответил Сухов.

Тут его перебил недовольный голос Пончика:

– Да убери ты свою железяку, дурак! Дай перевяжу!

Все повернулись к пострадавшему, рану которого пытался затампонировать Александр.

– Ну, куда ты руку суёшь?! – орал Пончев, сердчая. – Занесёшь заразу – и майся с тобой потом!

– А это кто? – Командир качнул шлемом в сторону Шурика.

– Это мой оруженосец и врач, – ответил Сухов.

– А ты?

– А я – странствующий рыцарь.

– Латинянин небось?

Конники напряглись.

– Мы оба православные, – сказал «странствующий рыцарь».

– А не врёшь? – прищурился «варяг».

– Вот те крест!

Конники расслабились.

– Имя? – осведомился старшой.

– Имён у меня много... Можешь звать меня Олегом.

– И куда ж ты собралси, Олег?

– До князя Ярослава Всеволодовича собралси.

– А на что тебе князь?

– А послужить хочу князю. Ещё вопросы будут?

– Ишь ты, ершистый какой! Думаешь, раз ухо мальцу отчекрыжил, так и всё, в герои выбилсси?

– Могу и голову отчекрыжить, – холодно сказал Сухов. – Ему или тебе, мне без разницы.

– Не ерепенься! – буркнул старшой. – Меня кличут Якимом Влунковичем,³⁹ я у князя воевода *на* больший, новоторжан⁴⁰ в узде держу и за всеми прочими приглядываю. Понял? Во-от... Али ты думал, будто сам Ярослав Всеволодович в дружину бойцов призывает? Не, без моей воли ни один конный али пеший в строй не становится! Понял? Во-от...

– А мне в строю делать нечего, – по-прежнему холодно вставил Олег, – вырос я из рядовых.

– Да цто ты говоришь? – съехидничал Яким.

– Что есть, то и говорю, – отрезал Сухов. – Я флотом командовал, тысячи в бой водил, крепости брал. Негоже мне всё сызнава начинать, не юныш какой.

– Так ты, смотрю, в воеводы метишь?

– Согласен и сотником начать.

Влункович довольно крякнул.

– Не, нам такие люди нужны! – осклабился он. – Наглые! Дерзкие! Поставлю тебя десятником. Понял? Во-от... Ежели портки не обгадишь и всё как есть исполнишь, тогда и потолкуем. Лады?

– Лады, – кивнул Сухов. – Чего надо хоть?

– Подол взять приступом! Исхитришься? Вдесятером-то?

– Легко, – обронил Олег.

Полки⁴¹ Ярослава Всеволодовича подступили к Подолу со стороны Почайны – днепровского притока, чьи тихие воды образовывали удобную гавань. Но это летом, а сейчас, на перепаде между зимою и весной, Почайну скрывала толстая кора льда. А сам лёд прятался под возами с сеном на корм лошадям и санями с припасами для войска, под палатками и шатрами, бойцами конными и пешими – тут их собралось несколько тысяч. Вои-новгородцы и новоторжане стояли вместе, суздальцы держались наособицу – распри делили не одних лишь князей, весь народ разводили они, сея рознь и вражду «межи человеки».

За пологим берегом поднимался не шибко высокий земляной вал, укреплённый острогом – частоколом из толстых брёвен с острёными верхушками. В одном месте линия укреплений прерывалась, оставляя проход, – его запирали мощные ворота.

Над крепостной стеной то и дело показывались головы защитников, качались наконецники копий, вылетали стрелы, пущенные навесом, но оборона шла вяло.

Дворяне и вои кучковались на льду Почайны, проверяя оружие, подтягивая завязки на панцирях и успевая лениво переговариваться:

– Како ся урядим, братие?

– Таран нужон, без тарана – куда?

– Да где ж ты таран возьмёшь? Близ городу больших деревьев не сыскать!

– Раньше надо было думать.

– А нам по чину не положено, это пушай князюшка думает!

---

³⁹ Реальное историческое лицо.

⁴⁰ *Новоторжане* – жители города Новый Торг («пригород» Новгорода Великого), ныне Торжок. *Суздальцы* – здесь не жители Суздаля, а выходцы из Владимиро-Суздальского княжества, в данном случае переяславцы.

⁴¹ Надо заметить, что к XIII веку понятие «дружина» претерпело изменения. Под дружиной понимался «княжой двор» – личное войско князя из его придворных. А полки формировались («нарубались») из воев-ополченцев по принципу «1 воин на коне и в доспехе полном (конно и оружно) с 10 сох». Если же возникала прямая и явная угроза, то воина выставляли и с 4 сох. (Соха – это единица поземельного налога, именно соха облагалась податями. К примеру, новгородская соха равнялась 3 обжам, а обжа – это та площадь земли, которую обрабатывал один человек – с конным плугом, но без помощников).

- Верно баешь! Приказу такого не было, чтоб таран мастерить. Вот и стой.
- Да чего ж стоять зря? На льду-то? Дубеешь как дурак!
- А ты дубей как умный! Вона, лунку проколупай и рыбку лови. Удом своим! Не отмёрз ишшо?
- Почнём, что ли?
- Куда торописсе, кулик?⁴²
- А чего сразу – таран? Што, на воротах белый свет клином сошёлси? Глянь, тын какой – не низок, не высок. В самый раз!
- Лестницу надо, да не одну.
- Во-во! А никто не побеспокоилси!
- Да успокойтеся вы! То таран им, то лестницы... Чего скажут, то и делать станем!

Олег оглядел свой большой десяток. Да-а... Зря он заподозрил Якима Влунковича в симпатиях к своей персоне – воевода отдал ему под руку ополченцев, набранных в новгородской глуши, – увальней в армяках и лаптях, вооружённых топорами и луками. Худые вечные⁴³ мужичонки, охотники-лесовики – вот такой у него личный состав. Новики все, салабоны-новобранцы. Редко у кого из них имелся шлем, а панцирь был в единственном числе – на румянном, кудрявом парне, гордо назвавшимся Олфоромеем Лысуном. Выучкой же, опытом боевым, похвастаться не мог ни один – схватки с медведями и волками не в счёт.

Десяток без особых проблем подчинился новому командиру. Кое-кто, правда, позволил себе поартачиться, но пара зуботычин привела строптивцев ко смирению.

– Скотина этот Влункович, – громко прошептал Пончик. – Он же тебе мстит, на смерть посылает!

– Помнишь, как в былинах богатырь говаривал? – тихо сказал Сухов. – «Не бывать тому!» Обернувшись к своему десятку, что перетапывался, сбившись в кучу, Олег громко спросил:

– Кто из вас белке в глаз попадает?

Новики заулыбались со снисхождением – экий у них десятник глупый!

– Да все и попадают, – ответил Лысун. – Как иначе-то? Мы-ить все промыслом живём, шкурок не портим!

– Отлично... – медленно проговорил Сухов. – Тогда слушай мой приказ. На тебя, Олфоромей, вся надежда – побудешь возницей. Вон, видишь телегу с сеном? Погонишь её к воротам!

Объяснив каждому его манёвр, Олег напялил шлем на голову, в правую руку взяв меч, в левую – горящий факел. Олфоромей обошёл кругом телегу – здоровенные дроги, запряжённые парой могучих волов. На дрогах пошатывалась в неустойчивом равновесии целая гора сена.

Перекрестившись, Лысун взгромоздился на козлы, стегнул бичом, страгивая с места ленивых животин, и дроги покатались к воротам. Остальные бойцы из Олегова десятка выстроились в ряд и начали обстрел вражеских позиций. Они никому не позволяли высунуться над частоколом, чуть кто покажется – тут же слали стрелу. Кому-то из защитников Киева повезло – успели пригнуться, а кому-то и нет – пустили им стрелу в глаз, как той самой белке.

Войско Ярослава Всеволодовича притихло, с интересом наблюдая за потехой. Дружинники-дворяне не верили, что какие-то новики способны на подвиги воинские, и готовились потихоньку к приступу, исподволь наблюдая за «бельчатниками», подшучивая и пересмеиваясь.

Меж тем Олфоромей Лысун загнал дроги под самые ворота. Повинуясь жесту десятника, двое новиков – Олекса Вышатич и Ратша Гюрятич – подбежали на подмогу. Поднапряглись, втроём опрокинули кучу соломы, да бегом отвели дроги – в тыл.

---

⁴² Кулики, салыники – обидные прозвища суздальцев.

⁴³ Вечные мужики, вечники – миряне с правом голоса на вече.

Сухов швырнул факел. Сено задымилось, погнав белые, плотные клубы, и вспыхнуло. Яркое пламя заревело, вздымаясь выше острога, а когда солома опала грудой раскалённой трухи, гул и треск огня лишь усилился – горели ворота. Сухие брусья лопались, брызгая смолой и нагоняя такой жар, что снег стремительно отступал от ворот, протаивая кругом до парящей земли.

– Ну, дела... – выдохнул Олфоромей, зачарованно следя за прогоравшими воротинами. – Эхма!..

Олег хлопнул его по широкому плечу.

– Готовься! – сказал он. – Запрягай, как я сказал.

– Задом наперёд?

– Ну!

Лысун с Ратшей сноровисто перепрягли волов, поставив тех мордами к телеге.

Городовые полки уже не подсмеивались – на их глазах «бельчатники» ковали победу. Новгородцы, новоторжане, переяславцы настороженно наблюдали за действиями Олега десятка, а «бельчатники» словно стяхнули с себя былую неуклюжесть, обрели уверенность, задвигались быстро и чётко, без суеты.

– Давай! – рявкнул Олег, углядев, что ворота достаточно прогорели, и махнул рукой.

Олфоромей как пошёл стегать волов, как те замычали, как заработали ногами бешено, разгоняя пустые, грохотавшие дроги перед собою, как те врезались в обуглившиеся створки! Ворота не рухнули, но отворились с грохотом, разламываясь и поднимая тучу искр.

Олег первым ворвался в Киев, за ним, издавая восторженные вопли, рванули его новики.

– Ура-а! – заорал Пончик.

Невеликое число осаждённых мигом оставило стены, удирая по кривым подольским улицам, скача по огородам, перепрыгивая через плетни... Победа!

– Стой! – заорал Сухов, придерживая разгорячившийся десяток. – Подождём отстающих.

Возбуждённые новики сгрудились вокруг своего десятника, довольно похохатывая. Уделали они-таки заносчивых сальников из Переяславля! Утёрли носы дворянам!

А ополченцы повалили в догорающие ворота, сотня за сотней, полк за полком, с удивлением и неверием поглядывая на «лапотников», пыжащихся от гордости за содеянное.

Мимо проскакала «Золотая сотня» княжеская, особенно нарядная – все в блестящих кольчугах, с вызолоченными пластинами на груди, изображавшими дерущихся львов, с флажками на копьях, с малиновыми щитами миндалевидной формы. И вот показался сам князь Ярослав Всеволодович.

Это был плотный невысокий мужчина, из тех, про которых говорят: «Ладно скроен, крепко сшит». Недостаток роста скрадывался горделивой осанкой, подтянутостью и выправкой. Лицо князя дышало силой, всё в нём выдавало натуру властную и решительную – плотно сжатые губы, хищный нос, густые, нахмуренные брови, похожие на мохнатых гусениц. А вот глаза... Глаза Ярослава Всеволодовича тревожно бегали, шурились или расширялись, отражая коварство и хитрость, понуждая тонкие губы кривиться в недоброй улыбке.

Князь ехал на великолепном белом коне, рассеянно слушая Якима Влунковича. Придержав коня рядом с Олегом, Ярослав Всеволодович спросил воеводу:

– Он?

– Он, княже, – поклонился Яким.

– Эва как...

Князь с интересом оглядел Сухова, а тот стащил с себя шлем и низко поклонился.

– Ну, не расхотел ли служить мне? – спросил Ярослав Всеволодович с хитрой ухмылочкой.

– Не расхотел, княже, – ответил Олег Романович.

– Тогда ступай за мной, рыцарь. Порадовал ты меня. Ей-богу, порадовал!

Сухов скромно пристроился сбоку от князя, почтительно отстав на полкорпуса, и махнул рукой своему десятку и Пончику: поспешайте следом!

А войско между тем подходило и подходило, на рысях следуя кривыми улицами Подола, растекаясь в поисках удачи и добычи. Вот уже где-то заголосил, запричитал визгливый женский голос, проклиная грабителей, завизжала насилуемая девушка, а уж предсмертные хрипы мужиков, встающих на защиту родного дома... Кто ж их расслышит за топотом копыт и лязгом оружия?

Vae victis...⁴⁴

---

⁴⁴ *Vae victis* – Горе побеждённым (*лат.*).

Глава 4, в которой Олег наживает себе врагов

Ни бревенчатых домов, ни беленых хат на Подоле не стояло, киевляне проживали, в основном, в жилищах типа фахверков – сооружали бревенчатый каркас из стояков, откосин и перекладин, а пустоты заполняли кирпичом-сырцом. Получалось что-то среднеарифметическое между северными избами и южными мазанками. Оно и понятно – глинобитный дом попросту размоет весеннее половодье, а вот фахверк выстоит. Ремонта потребует, конечно, но выдюжит накат вешних вод. А изба... Не тот лес на Днепре, чтобы избу ставить. Степь рядом.

Улочки подольские были нешироки, дома зажимали их плотно, стена к стене, часто возносясь на пару этажей, а бывало, что и на все три. Внизу не жили, и высокие крылечки поднимались на столбах до второго этажа, куда и вели ступени лестниц и где отворялись двери. Было легко догадаться, кто на улице богаче, а кто беднее, – состоятельные киевляне чаще белили стены, а крыши не соломой крыли или камышом – тёсанный лемех ладили, даже плитками шифера выкладывали.

Однако намётанный глаз Олега примечал отнюдь не архитектурные излишества – было видно, что Подол терпит второе нашествие за зиму. Раз за разом попадались пожарища, открывавшие взгляду маленькие огородики, окружённые плетнями, частенько поваленными, а снег был истоптан копытами коней. Видел Сухов и двери, порубленные топорами, и запертые ставни, в которых застряли наконечники обломанных стрел. Надо полагать, дружина Изяслава Мстиславича порезвилась вволю, а теперь пришёл черёд Ярослава Всеволодовича.

Что и говорить, не везло Киеву, многих князьков притягивал великий стол. Тринадцатый век только начался, считай, а сколько уже раз город приступом брали – в 1202-м, в 1203-м, в 1207-м, в 1210-м и ещё, и ещё... И всякий раз князья-штурмовики смерть сеяли и насилие, брали жителей в полон, грабили их почём зря. Хуже ворогов были свои же, проклятые черниговские Ольговичи, волынские Изяславичи, смоленские Ростиславичи, суздальские Юрьевичи!..

– Не понимаю, – буркнул Пончик, хмуро оглядываясь, – почему князь ведёт себя как захватчик? Ему ж с этими людьми жить! Угу...

– Почему... – усмехнулся Олег. – А чтоб боялись, Понч. Чтоб и пикнуть не смели! Ярослав не отдаст Киев на поток и разграбление. Скоро он прижмёт своих, но... не сразу. Пускай уж поозоруют, возьмут своё, оттянутся по полной. После князю с воеводами легче будет их строить да школить. А как утихнет беспредел, киевляне ещё и благодарить станут Ярослава!

– За что? – проворчал Александр. – Что не всех поубивали?

– Именно, Понч!

Войско продвигалось по Боричеву току, главной улице Подола, ведущей от пристаней на Почайне к Верхнему городу. Улица была пуста – ни души. Дворяне проезжали мимо затворённых дверей, опасаясь бесчинствовать на глазах у князя, и завидовали ополченцам, избравшим параллельные улочки, – оттуда неслись запыленные крики и весёлая ругань. А князь Ярослав и ухом не вёл – ехал себе да на солнышко шурился.

Боричев ток вывел Олега на вечернюю площадь, где в гордом одиночестве возвышалась церковь Успения Богородицы Пирогощи, и мало-помалу на подъём пошёл, прозываясь уже Боричевым взвозом.

Заорали воеводы, призывавшие бойцов, им вторили сотские и десятники, спускавшие приказ до подчинённых, – впереди поднимались стены Верхнего города, а Боричев взвоз утекал под ворота громадной въездной башни. Дружинники построились, припоздавшие вои поспе-

шали за братией, торопливо пряча за пазуху шейные гривны и бусы, браслеты и даже меховые шапки – все те «пенки», которые удалось снять с мирного населения.

Полки были настроены воинственно – лёгкая добыча раззадорила бойцов, они готовы были штурмовать Подольские ворота, запиравшие проход на Гору.

– Цегой-то ты сена не прихватил? – обратился Яким Влункович к Олегу, приоткрывая вухмылке крупные жёлтые зубы. – Али раздумал огнём баловаться?

Сухов усмехнулся в ответ, примечая оживлённое шевеление на воротной башне. И не простые воины суетились, толкаясь за парашетом, а кое-кто поважней, в соболях да в бархате.

– Солому пожалей, – сказал он. – Ворота необязательно жечь.

– А цего?

– В них можно просто войти, – проговорил Олег с усмешечкой, глядя, как вздрагивают створы Подольских ворот, и добавил, как гостеприимный хозяин: – Прошу!

Воевода даже рот раскрыл от изумления – ворота открылись, распахиваясь настежь, и в глубине арки показалась процессия – плотным строем вышли бояре под предводительством толстого архиепископа.

Ярослав Всеволодович подбоченился, не покидая седла, а «вятские люди града Киева» низко поклонились князю.

– Исполать тебе, Ярослав свет Всеволодович! – гулким басом пророкотал архиепископ. – Войди во град сей и блюди его по всей правде!⁴⁵

Князь, обретающий приставку «великий», ничего не ответил, только кивнул небрежно и тронул с места коня. Бояре расступились, пропуская Ярослава Всеволодовича за стены Верхнего города.

Выехав на свет божий, Сухов понял, что боярство киевское прогибалось не зря и смогло-таки расположить к себе нового правителя – стража вывела пред светлы очи Князевы прежнее руководство – Изяслава Мстиславича, растрёпанного парня лет тридцати, с полным лицом, щекастым и губастым.

– Казнить не стану, – снисходительно молвил Ярослав Всеволодович, – милую! Бери коня, бери дружину и ступай с Богом.

Мстиславович поглядывал на князя переяславского исподлюбья. Полные губы его вздрагивали, пухлая щека подёргивалась. Ни слова не говоря, Изяслав развернулся и вскочил на подведённого ему коня, подав знак малой дружине – сплошь из половцев, смугловатых степняков в стёганных халатах и доспехах из бычьей кожи. Почти у всех у них на головах были островерхие шлемы с интересными откидными забралами, изображавшими человеческие лица в металле – будто маски посмертные.

Половцы, в отличие от своего предводителя, молчать не стали – загикали, засвистели, завыли и вихрем унеслись за ворота (с этого дня Изяслав Мстиславович всё равно что умер – никто с ним, отовсюду изгнанным, не водился более).

А великий князь Ярослав Всеволодович отправился далее, шествуя, что твой триумфатор, – окружённый «Золотой сотней» под командованием верного окольного⁴⁶ – Акуша, проныры родом из Бостеевой чады.⁴⁷ За княжьими мужами ступали полки новгородский, новоторжский и переяславский.

– На тебя уже зыркают, – негромко сказал Пончик, склоняясь в седле к Сухову.

– Акуш и Яким? – промурлыкал Олег, щурясь.

---

⁴⁵ Подразумевается «Русская Правда» – свод законов. Исполать – выражение, заимствованное из греческого, означает «хвала, слава».

⁴⁶ *Окольный* – придворный чин и должность, занимал второе место после боярина. Служба окольного заключалась в устройстве всего необходимого для путешествия князя («устроить путь и станы для государя»), но мог и полк возглавить.

⁴⁷ *Бостеева чадь* – род (колена) половецкого народа, названный в честь прапродителя. Летописи упоминают Бостееву и Чаргову чады, роды Вобуревичей, Бурчевичей, Токсобичей и Улашевичей.

– Они! Соперника почуяли. Угу...

– Пускай чувят, Понч. Живее бегать станут, а то раздобрили на княжьих-то харчах!

Сам же Сухов «зыркал» на Киев. Такого Верхнего города он не застал в прошлом, а до будущего тутошнее великолепие не дотянет, найдётся кому разнести всё по кирпичику.

Уж и вовсе по-царски выглядел Бабин Торжок – площадь у Десятинной церкви. Здесь красовалась бронзовая квадрига,⁴⁸ вывезенная князем Владимиром из Херсонеса, – гридни стащили её с триумфальной арки Феодосия. До кучи князь прихватил и статуи мраморные, изображавшие Афродиту, Артемиду и Геру.

«Бабами» обычно назывались истуканы-балбалы, воздвигнутые кочевниками на курганах. Может, оттого и площадь была прозвана Бабиным Торжком? Какая богобоязненному христианину разница, прекрасное изваяние ли воздвигнуто на постамент или грубое творение варвара? Всё одно – идол...

С трёх сторон площадь замыкали княжьи дворцы. Самый большой из них располагался к западу от Десятинной церкви. Трёхэтажное строение простиралось двумя крыльями, выстраивая редкие колонны, выставя напоказ яркий фасад, облицованный мрамором и плинфой. Лепота!

Ярослав Всеволодович спешился у парадного входа и сказал Яким, оборотясь:

– Пошли людей верных на Подол, пушай осадят воинство, а то забалуют.

– Всё сделаю, как велишь, княже, – поклонился воевода.

Дождавшись, пока великий князь скроется в палатах, и уже не пряча усмешечки, Влункович приблизился к Сухову.

– Слышал? – сказал он. – Даю тебе ишшо две сотни новиков из полку Косты Вячеславича, хватай их – и на Подол! Наведи порядок. Понял? Во-от... Ежели «баловники» не послушают сразу – заставь!

– Сделаем, – пообещал Олег.

– И вот чего ещё... – Яким помялся, но договорил: – Ты больно-то роток не разевай на милости великокняжеские. Понял? Во-от... А то зашью!

– Не грози, Влункович, – улыбнулся Олег неласково. – Не тебе решать, кого князю одарить, а кого ударить. Понял? Во-от... – передразнил он воеводу.

– Врагов ищешь? – вкрадчиво проговорил воевода. – Мотри, обрящешь на свою голову!

– Своих врагов я всех похоронил, – холодно ответил Сухов. – Не набивайся ко мне в неприятели, Яким, проживёшь дольше!

Воевода скрыл гнев, только глянул на Олега пристально, а после махнул рукой, подзывая ополчение. Новики – пешие, без брони, вооружённые чем попало, – всей толпой шагнули к Сухову...

...Олег спускался по Боричеву взвозу и думал, не слишком ли круто он портит отношения с Якимом? Обмозговав это дело, пришёл к выводу, что выбрал верный путь. Как себя поставишь, такое тебе и уважение окажут.

Кивая своим мыслям, Сухов выехал на Боричев ток и развернул коня. Оглядел свои сотни – передние столпились, задние догоняли бегом. Ждут. Верят. Аж рты раскрыли от усердия.

– Кто из вас мечом обзавёлся? – громко спросил Олег.

Над толпой поднялся один-единственный клинок.

– Ясно, – кивнул сотник. – Ну, про топоры не спрашиваю...

– А цего? – удивился Олекса Вышатич, вскидывая секиру. – Имеетсе!

⁴⁸ Квадрига – упряжка из четырёх лошадей. У эллинов – *тетриппа*.

– Князь приказал воев своих к порядку призвать, – терпеливо объяснил сотник, – чтоб не озоровали особо и местных не обижали зря. Вои те не раз в походы хаживали, князь их с собой и на Литву водил, и под Псков, и Чернигов воевать. Вы же все новики, в первый раз на войне...

– А цего... – вякнул Олекса, и на него зашикали.

– А того, – хладнокровно сказал Сухов. – Я вам всё это не потому толкую, что вы распоследние. Запомните: вступать с воями в ближний бой вам запрещается! А к дворянам даже близко не подходите и их к себе не подпускайте! Луками пользуйтесь, понятно? Если я прикажу этим воякам закругляться и уматывать, а те не послушаются – гоните их! Вон, у кого копьё, в первом ряду пойдут. Тычьте их в бочины, задницы колите – и держите на длине копьё! Только чтоб все вместе шагали, плечом к плечу. Уразумели?

– Нешто мы без понятия? – пробурчал Олфоромей.

– Вот и прекрасно. А чтобы вои сами на вас не кинулись, луки примените – тупыми стрелами в шею метьте, а острыми – в ногу, в руку... Не дойдёт – в пузо наткайте! Понятно?

– Ага! – прокатилось по толпе. – Понятно, цего там... Ясно дело!

– Ну, раз ясно, тогда вперёд.

Первыми на пути новиков попались свои же новгородцы – человек двадцать здоровяков увлечённо громили лавку, мечами раздирая тюки, секирами вскрывая сундуки.

Сам купец в отчаянии метался вокруг, всплескивая руками и упрашивая налётчиков оставить ему хоть что-нибудь. Новгородцы хохотали в ответ и добродушно отмахивались от назойливого киевлянина, продолжая делить ценные вещи.

– Не трогать! – гаркнул Олег, подъезжая и кладя руку на меч.

Здоровяки, те из них, кто располагался ближе к дверям лавки, остолбенели. Иные же, из тех, кто забрался поглубже, не слыхали ничего, поглощенные изыманием чужого добра.

– Глянь-ко, Фрол! – доносились их глухие голоса. – Никак, сукно... Доброе!

Новгородец, что стоял в дверях, с кудрявенькой бородкой и перебитым носом, оглянулся на Фрола. Снова оборотился к Сухову, растягивая рот до ушей, словно в предвкушении скорой веселухи. На шее у него болталась целая связка лисьих да куньих мехов, а за полурасстёгнутый панцирь была напихана бухарская хлопчатая зендянь – лазоревая, с белыми цветами.

– А эт-то цто тако? – спросил он гнусаво. – Цто эт-то за лёв-звирь выискался, рыкает на нас? Да страшно-то как, я аж убоялся!

Из лавки стали выглядывать прочие любители поживы, и купец, поозиравшись, бросился к Олегу, на колени пал.

– Убереги! – взвыл он. – Последнего лишают!

– Замолкни, купечь! – прикрикнул на него здоровяк.

– Княжье дело! – провозгласил Сухов. – Ярослав Всеволодович приказал местных не обижать. Ну-ка, вернули всё на место, и марш отсюда!

Новгородцы переглянулись и загоготали – от души, радуясь силе своей, здоровью крепкому, воле и скорому развлечению.

– Слышь-ко, – заговорил с угрозой ополченец с перебитым носом, – мотай отседова, а то допросиссе!

– Слышь, гугнявый, – ответил ему в тон Олег, – ты вон зендянцу хапнул, а заплатил ли? Вой оскорбился и потянулся за мечом.

– Олфоромей, – негромко сказал Сухов, и в тот же миг тупая стрела ударила новгородца в шею, рассекая кожу до крови и вырубая добра молодца на счёт «раз». Гугнявый, где стоял, там и упал, выстелился на пороге. Товарищи его растерялись сперва, а в следующее мгновение поперли, памятуя, что штурм и натиск – средство посерьёзнее ума-разума.

Олег не страгивал коня с места, не слезал с седла, даже меч свой не выхватил. А вот новики выстроились вокруг, в несколько рядов, и только приказа ждали, наложив стрелы, готовясь растянуть тетивы.

– Взались! – рявкнул Сухов.

Десятки стрел пропели, втыкаясь новгородцам в руки и ноги. Вой спотыкались и падали, летели кувырком по грязному снегу, роняли оружие, сталкивались друг с другом. Лишь один, самый быстрый, самый вёрткий, добрался-таки до Юрка, робкого, тишайшего мужичка, и вса-дил в того меч.

– Юрко! – взвыл Олфоромей, бросаясь на выручку с копьём наперевес.

Напор его был так страшен, что наконечник прободал вёрткому и панцирь, и рёбра. Новгородцы застыли в растерянности, а вот новики-копейщики не дрогнули, мигом окружили «озорников», щекоча тех наконечниками на уровне живота и удерживая на дистанции.

– Юрко! – простонал Лысун и вдруг оборотил к ополченцам лицо, искажённое яростью. – Вы пошто другана моего зашибли?! – заорал он. – Всех перережу! Всем кровь пуцу!

– Успокойся, Олфоромей, – твёрдо сказал Олег. – Ты уже взял плату за смерть Юрка, не пачкай душу зазря.

Лысун увял.

– Скидываем оружие и брони! – приказал Сухов новгородцам. – Складываем в одну кучку, а что награбили – в другую. Живо!

Под пение натянутых тетив вой быстро поскидывали дедовские кожаные панцири с бронзовыми накладками, шлемы, мечи, ножи, секиры – всё это звякало и лязгало, а рядышком ложилась груда чужого добра, едва не ставшего добычей. Ткани и меха шелестели и шуршали.

Новгородцы без брони, без оружия, без славы стояли, перетаптываясь и сжимая могучие кулаки. Они поглядывали из-под нахмуренных бровей, мрачно и тяжело, но уже не полагались на удачу – лучник метнёт стрелу быстрее, им за новиками не поспеть...

– Вон отсюда, – холодно приказал Олег.

– Куда? – просипел гугнивый.

– Да хоть к чёрту.

– Брони наши...

– Были ваши, стали наши.

– Отдай... – засопел новгородец.

– А ты отними, – усмехнулся Сухов.

– Дорогие оне...

– Ещё раз вякнешь, отправишься на Гору босиком!

Гугнивый посопел только перебитым носом, сгорбился, да и побрёл в сторону Верхнего города. За ним двинулись остальные.

Новики расступились, опасливо посматривая на воев, но уже прорезались на их напряженных лицах победительные улыбки. Они-таки одолели заносчивых ополченцев! Заставили их поступить по-своему! То-то будет разговор, когда они вернутся в родные деревни!

Проводив взглядом удалявшихся воев, Олег повернулся к своим сотням и пальцем указал:

– Копейщики Олфоромея и вы, стрелки... Кто там над вами?

– Станята! – раздался одинокий голос.

– ...И стрелки Станяты. Разбирайте брони и оружие, оно ваше. И за просто так никому не отдавайте, разве что за выкуп хороший.

Новики, не веря своему счастью, загомонили, накинлись на кучу амуниции и холодного оружия, быстро и толково поделили – тебе, Станята, эта бронь не по мерке, широк больно. Матерущий, беда! Бери вон ту, глянь, как переливается! Тебе, Олекса, меч и ножны, тебе, Радько, сабля половецкая!

А уж купец едва не плакал от счастья, сапоги Олеговы целовать кинулся.

– Угомонись, – улыбнулся Сухов, – и послушай моего совета – переберись в другое место, со всем скарбом – от греха подальше.

– Так и сделаю! – с жаром уверил его купец.

А новики отправились дальше. У Пирогощи они разняли дерущихся вояк – сцепились новоторжане с переяславцами. Как выяснилось – не поделили серебряные подсвечники, спёртые в Успенской церкви.

– Вот она, феодальная раздробленность, – молвил Пончик назидательно. – У себя дома небось и свечку не стырят, а тут как будто язычники прописаны, тут можно – чужие же все!

– Ты прав как никогда, – согласился Олег и крикнул Олфоромею: – Пусть разуются!

– Да куды ж нам без сапог? – возмутился кто-то из новоторжан. – Снег же!

– А это тебе епитимья⁴⁹ такая! Не будешь храмы осквернять. А ну, дуйте отсюда!

Ойкая, кряхтя, матерясь, разутые вояки понеслись к Горе, смешно ковыляя и вздёргивая босые ноги.

Олег объехал всю вечерую площадь, где обычно шёл торг, проверил садики и закоулки за Туровой и Михайловской божницами и уже хотел было вернуться к своим, когда мимо проскакал «чёрный клубук» на сером коне. На мгновение из-под капюшона выглянуло плоское лицо. Эге... Никак старый знакомый!

– Стоять! – крикнул Сухов, но плосколицый не послушался, свернул в неприметные ворота, за которыми расставлял кривые ветки вишнёвый садочек.

Олег проскакал в объезд – пусто. И тут с соседней улицы выехали двое «чёрных клубуков» – один на чагравом коне, опоясанный по-воински, с саблей в красных сафьяновых ножнах, а другой... Другой, оседлавший неприметного серого мерина, ехал, сторбившись, перепоясанный простою верёвкой. Похоже, это не «чёрный клубук» вовсе, а особа духовного звания – из-под чёрного плаща с пелериной и капюшоном выглядывала белая туника. Надо полагать, монах-доминиканец.⁵⁰

Всадники на чагравом и сером свернули и разъехались. Неплохо придумано – мелькнуло у Олега. За двумя монахами погонишься, ни одного не поймаешь.

И Сухов последовал за ехавшим на чагравом. Всадник не оборачивался, пока не завёл Олега на старое пожарище, где переминались кони троих «чёрных клубуков». Засада? Если это ловушка, то он легко – и очень глупо – угодил в неё.

Тут всадник на чагравом обернулся, и Сухов узнал плосколицего.

– Ой-е! Какие люди! – сказал «монгольский шпион» насмешливо. – Не пойму, урус ты или урум?⁵¹

– Я и тот и другой, – ответил Олег. – А ты-то кто, «копчёрный»?⁵²

– Дзе-дзе, какой отчаянный, – поцокал языком плосколицый.

Трое «чёрных клубуков» – то ли друзья «копчёрного», то ли подчинённые, – схватились за сабли.

– Дозволь убить его, Бэрхэ-сэчен! – воскликнул степняк с длинной бородкой, заплетённой в косичку.

– Не сейчас, Савенч, – остудил его пыл Бэрхэ-сэчен и добавил что-то на непонятном, но звучном языке. «Чёрные клубуки» расхохотались и повернули коней.

⁴⁹ *Епитимья* – наказание.

⁵⁰ В 1228 году доминиканцы во главе с братом Яцеком (Гиацинтом) основали в Киеве монастырь своего ордена, дабы содействовать «воссоединению православных князей и епископов с Римом».

⁵¹ *Урус* или *орос* – русский; *урум* – ромей, грек (*монг.*).

⁵² «*Копчёрный*» – обидное прозвище для степняка.

Покусывая губу, Сухов поглядел им вслед. Странно... Он-то был уверен, что монах, пере-севший на серую лошадь, – это уловка Бэрхэ-сэчена, простейший способ пустить по ложному следу. А выходит, что его как раз и уводили от бенедиктинца, или кто он там.

– Дело ясное, – проговорил Олег, – что дело туманное...

Глухой стук копыт по мёрзлой земле загулял эхом меж двумя рядами домов, и к Сухову подскакал Олфоромей Лысун. Беспокойство на его лице сменилось облегчением.

– Еле нашёл... – проворчал он и кивнул в сторону отъезжавших «чёрных клобуков»: – А кто это?

– Да так, враг один, – пожал Сухов плечами. – Поехали отсюда.

С вечевой площади новики углубились в переулки, выходящие к замёрзшему ручью, незамысловато прозванному Ручаем, – и на первом же перекрёстке столкнулись с сотней Акуша. Половец осадил коня и крикнул:

– А вы чего здесь?

– Княжью волю исполняем, – бодро ответил Олег, – оберегаем покой мирных жителей.

– Это нам приказано было! – возмутился приятель Акуша по имени Сатмаз, как бы заместитель окольного. – А вы давайте, мотайте отседова!

– А ты нас прогони, – сказал Сухов с ласковостью в голосе.

Новики, насторожившись было, задвигались посмелее, заулыбались. Акуш, успокаивая грызущего удила коня, похлопал его по шее и заговорил:

– Ты, как я погляжу, совсем страха не чувствуешь? Не много ли воли взял?

– Мне хватает.

– А почто брони отобрал у новгородцев?

– Что, уже мамке пожаловались? Ты знаешь, Акуш, у нас, у рыцарей, есть обычай такой. Мы, когда на турнирах в поединках сходимся, то проигравший отдаёт победителю свой доспех. Вот и мои тоже выиграла... Ну что, Акуш? Расходимся? Или турнир затеем?

Окольный криво усмехнулся.

– Обойдёшься. Мне твой шлем ни к чему.

– Ну, прощевай тогда.

– Свидимся ещё, – выщедил половец.

– В любое время, Акуш.

«Золотая сотня» ускакала, поигрывая мечами, булавами, саблями. Глухой топот копыт затих, затерялся в путанице улочек Подола. Олег осмотрелся – дома, дома, дома... Дерево скрюченное. Слякоть внизу, хмарь вверху. Сухов почувствовал внезапный упадок сил. Чего ради стремиться куда-то, добиваться чего-то? Смысл в этом какой? Вот зачем он сразу двоих врагов нажил? Каких двоих? А третий? Этот-то, плосколицый который? Ну вот, значит – троих. Зачем, спрашивается? Что за дурацкая манера – сначала создавать трудности, а потом их героически преодолевать? Чего он, вообще, добивается? Тёплого местечка при великом князе? А оно ему надо? А что ему тогда нужно? Чего он по-настоящему хочет? Не из того убогого выбора, что предлагает ему время, а вообще?

«Ты ещё смысл жизни поищи!» – зло скривился Олег. Хватит! Довольно. Устал он, наверное. Ясное дело, устал! В веке десятом скакал с восхода до полудня, а в веке тринадцатом опять, по новой, рассвет встретил. И весь день то на ногах, то в седле, а солнце-то село уже, темнеть скоро начнёт.

Житейские дела вернули Сухова к реальному. Тут не до депрессии, думать надо, где ему ополчение разместить да чем кормить две сотни здоровых лбов. Вернуться на Гору? Тогда вместо ужина «подадут» разборки...

Додумать и решить Олегу помешал недалёкий девичий крик. Встрепенувшись, Сухов развернул коня и поскакал на звук, пока не оказался на улице под названием Пасынча беседа. Там стояла старинная Ильинская церковь, а наискосок от неё ещё более древнее сооружение –

приземистое жилище хазарского наместника-тудуна, который некогда подати собирал с киевлян (Аскольд того тудуна вздёрнул на ближайшем дереве, а местным посоветовал дань ему нести).

Тут-то они и собрались – четверо вояк с Горы, пьяных и мерзких, прижавших к стене резиденции тудуна девушку. Шубу с неё уже сдёрнули, и теперь грязные пальцы тянулись к расшитому нагруднику, похожему на распашонку, накинутаго поверх длинной белой рубахи.

Олег на скаку покинул седло, с разбегу вонзая меч в спину ближнему из насильников. Лезвие вышло спереди, разваливая печень.

Трое собутыльников оказались не настолько пьяны, чтобы уж и вовсе растерять бойцовские качества. Они махом обернулись к шестому лишнему, выхватывая из ножен сабли да мечи. Сухов стал отступать, уводя троицу от девушки, но та и не думала сбегать, только что шубку подхватила да на плечи накинула.

Трое рубак – это сила, если при этом они не будут мешать друг другу. Поединок требует простора, чтобы было куда отступить, куда отскочить, а вот когда напавшие на тебя давку устраивают... Им же хуже.

Вои ожесточились – кроили мечами без устали, не давая Олегу продыху. Сухов понемногу отступал. Неожиданно вляпавшись в свежую коровью лепёшку, он поскользнулся, но не упал, утвердившись на колене. Один из нападавших вырвался вперёд – вонючий мужик с бородой, выпачканной в подливке, в сорочке тонкого белого полотна, шитой цветными шелками и облитой вином. Вот в эту-то винную кляксу и попал клинок Олега – пятно мигом расплылось, набухая хмельной кровью.

Изнемогая, отбивая удары, рубящие сплеча и секущие наотмашь, Сухов медленно, содрогаясь от натуги, поднялся во весь рост – и уложил третьего, грузного, в кольчуге и пластинчатом доспехе, но без шлема, с головой, обритой наголо и покрывшейся бусинками пота.

Бритоголовый упал беззвучно – остриё меча вошло ему под выпяченную нижнюю челюсть. Обратным ударом Сухов поразил четвёртого, худощеого, с брыластым лицом. Худой растянулся «звёздочкой», раскинув костлявые руки и тонкие ноги.

Тяжело дыша, Олег постоял, унимая бешеное сердцебиение, вяло обтёр клинок об рубаху бритоголового и вернул меч в ножны.

А тут и новики подтянулись. Топоча, как табун лошадей, они вывернули из переулка.

– Живой ле?! – заорал Олфоромей и тут же крикнул, оповещая своих: – Живой!

– Прости, что не успели, – выдавил Станята, отпыхиваясь и с ужасом оглядывая череду мертвяков. – Ох ты, мать честная... Да сколько их тут! Батюшки...

– Ты как дунул верхом, – с ноткой обиды сказал Пончик, – а мы пёхом! Думали, опоздаем... Угу...

– Да всё в порядке, – сказал Олег.

Обернувшись, он увидел девушку там же, где она и раньше стояла. И почему-то обрадовался. А ближе подойдя, ещё и восхитился – красавицей оказалась спасённая им киевляночка.

– Как звать тебя? – спросил Сухов, как мог, мягче.

Девушка похлопала ресницами и губы развела в робкой улыбке.

– Олёной наречена, – сказала она. – Спасибо тебе, ратоборец,⁵³ что уберёг от лихих людей.

Сердце Олегово дало сбой. Олёна... Алёна...

– А ты б не ходила боле одна по улицам, – проговорил он с хрипотцой в голосе, – знаешь ведь, каково нынче в городе.

Олёна лукаво улыбнулась:

– А ты меня проводи до дому, чтоб одной-то не идти...

---

⁵³ Ратоборец – рыцарь.

И без того большие глаза девушки стали и вовсе огромными. Олег же вздохнул с огорчением.

– Я бы проводил, да на мне – вона, две сотни мужиков, и всем надо ночлег сыскать, да какую-никакую еду...

– А там есть! – обрадованно сказала Олёна. – Два амбара здоровых стоят, и сена в них навалом – ночью тепло! И поспидать⁵⁴ найдём чего. Пойдём!

– Ладно, уговорила.

Сухов с удовольствием посадил девушку на чалого и повёл коня в поводу. Новики, уже куда более походя на отряд, затопали следом.

«Два здоровых амбара» обнаружили в конце Пасынчей беседы, там, где Ручай перегородивала невысокая плотина и стояла водяная мельница.

– Это деды мои построили, – сообщила девушка, – они оба мельниками были...

– Были?

– Сгинули оба лет восемь тому под Галичем.⁵⁵ Несчастливый это город для нас – там же и отец мой погиб... Но мельницу я никому не отдала, родни у меня много! Тем и живём – зерном берём с помола али деньгами.

– И амбары твои?

– Мои! – гордо заявила Олёна.

Дом у мельника больше на крепость походил – первый этаж из дикого камня сложен, а второй из дуба рублен. Крыша была, будто чёрной чешуей, выстелена осиновыми пластинами-лемешинами, а высокий часток кол замыкал в себе обширный двор, мощённый деревянными плахами. Посторонним вход воспрещён!

Девушка протянула руки, и Олег с удовольствием снял её с седла.

Олёна перешла улицу, постучалась в соседний дом, пошла теревить своих тётушек, те примчались тут же, засуетились, забегали по двору, разжигая очаги, вытаскивая большие котлы, подняли племяшей, те наносили воды из проруби. Времени совсем немного прошло, а уже потянуло аппетитным варевом – новики задвигались поживее, заходили кругами вокруг бурлящих котлов, потирая руки и нащупывая кленовые ложки, засунутые за голенища «трофейных» сапог, – на месте ли?

Успокоившись за своих, Сухов поднялся в дом, где его встретила Олёна, переодевшаяся в запону⁵⁶ василькового цвета. Волосы её были заплетены в косу и убраны под серебряный обруч с качавшимися подвесками-колтами. Раскрасневшаяся девушка оторвалась от плиты, где булькало жаркое в горшке, и показала Олегу ещё краше, чем была. Сухов не преминул сказать ей об этом. Олёна смутилась, но глаза её засияли радостней.

– Садись, ратоборец, – проговорила она ласково, – сейчас сидать будем.

Олег присел на широкую лавку и даже закряхтел довольноно.

– Ох и устал я... – признался он.

Сухов сидел, привалясь к стене, и отдыхал душой. Горница была велика, низковатый потолок поддерживался парой витых столбов, а весь угол занимала круглая глиняная печь с дымоходом, выдолбленным из ствола дерева. Рядом, на полках, сияла медная посуда, начищенная до блеска. Напротив висела большая икона, украшенная вышитым рушником, а пол был застелен дорожками, вязанными из тряпочек.

Углядев бадейку около двери и полотенце-утиральник, висящее на крюке, Олег с сожалением поднялся.

---

⁵⁴ *Посидать* – поужинать.

⁵⁵ В 1227 году князь Мстислав Удатный передал Галич королевичу Андрашу, весьма способному правителю, но после смерти Удатного волынский князь Даниил Романович напал на город и развязал долгую и ненужную войну за галицкий престол.

⁵⁶ *Запона* – платье типа сарафана, не сшитое по бокам. Носилось с поясом, поверх рубахи, скреплялось у колен заколкой.

Скинул кольчугу, скинул гамбезон, подозрительно принюхался к рубашке. Омыл лицо, руки, шею. Утёрся, чувствуя, что посвежел, словно зарядился от холодной воды.

Ужин прошёл тихо-мирно, по-семейному. Разомлевший в тепле, осоловевший от вкусной и здоровой пищи, Сухов поднялся по лестнице в горенку, где ему постелила хозяйка. Испытывая блаженство, улёгся.

В темноте блеснули два зелёных глаза.

– Кис-кис-кис! – позвал Олег. Кот в ответ невнятно мурлыкнул, подрал когти о половичок.

Сухов вздохнул. Спать хотелось ужасно, но дрёма вызвала к жизни те мысли, которые спугивал день и дневные заботы, – об усадьбе Мелиссинов, о Наталье и Гелле, о Елене, Алёне, Алёнушке... Как она там, без него? А он как – здесь? Господи ты боже мой, какие ещё «там», какие «здесь»? Их не пространство разделило, а время! И что? Говорить «тогда» и «сейчас»? Язык не поворачивается...

Умом Олег прекрасно понимал, что с момента их последней встречи с Алёной минуло три века, что всё – потерял он любимую женщину. Расскажут ли ей варяги о том, как пропал супруг в голубом тумане, под сиреневые сполохи? Найдёт ли Елена отчима Наталье? Если хорошо подумать, то сие неважно. В любом случае, даже прапра-правнуки Елены давно уж похоронены. Вернуться бы в Константинополь, глянуть, что с домом, найти бы хоть какие-то следы... Алёнкину могилку... «Да что у него за мысли, в самом деле!» – рассердился Сухов. Могилку... Это умом он хочет поклониться давно усопшей – а ведь ужасно даже представить себе красавицу Елену дряхлой старухой! В чёрном гробу, в белых смертных пеленах... Ужас!

Но душа не верит в эти страшилки. Не принимает жестокую правду. Отрицает, казалось бы, очевидное. А если душа права? Триста лет... Подумаешь, триста! Его вон и через тыщу с лишком перекидывало...

Сухов откинул одеяло и сел. О босые ноги потёрся кот. Машинально почесав у животинки за ухом, Олег стал памятью возвращаться в прошедшее, погружаясь всё глубже и глубже. Кровь тяжело застучала в виски.

...Алёна убегает от него в парк проастия,⁵⁷ по аллее к фонтану, что бил посреди круглой полянки, заставленной мраморными статуями. Он бросается искать женщину, но та находится сама – выходит на солнце, нагая и прекрасная, и манит к себе...

...Игнатий Фока ширкает метёлкой по плитам подъездной дорожки, смахивая опавшие листья, и громко переговаривается с Ириной. Домоправительница ласково беседует с Фокой, изредка обращаясь к поварёнку, и тогда следует строгий окрик...

...Гелла кормит Наталью, сидя на веранде. Её круглая, загорелая грудь так велика и так упруга, что дитёнку с трудом удаётся обхватить тяжёлую округлость и вжать ладошки в атласную туготу...

Сухов встал и осторожно прошлёпал к двери, боясь отдавить хвост коту. Спустился и вошёл в светёлку Олёны. Перешагнув порог маленькой комнатки, он замер, привыкая к тусклому мерцанию светца, в коем горела лучина.

Скрипнула кровать, и девушка легла на спину. Тёплое покрывало соскользнуло, обнажая груди, повторявшие формою опрокинутые чаши, и крутой изгиб бедра.

– Иди ко мне... – прошелестел в темноте вздрагивавший девичий голос. И Олег внял ему.

---

⁵⁷ Проастий – загородное имение.

Глава 5, в которой лёд трогается

Сухов так и прижился у дочери мельника, стал на постой в доме на Пасынчей беседе. А вот Пончик переселился во дворец – беречь особу великого князя киевского от хворей с поветриями. Ярослав Всеволодович прозывал Шурика на новгородский манер – Олександром, всюду таская с собой. Оттого друзья перестали часто видаться, но Олегу скучно не было – служба его протекала бурно, каждый божий день он то в драку ввязывался, то в дуэли вступал. Шестерых новиков сотнику пришлось похоронить, зато остальные сплотились ещё пуше, ещё злее стали. В одиночку по Киеву они не ходили, отправлялись, если надо было или охота пришла, впятером. Задевать их не перестали, но делали это с оглядкой – новики могли и навальнуть обидчикам, а если у них самих не получалось, за своих вступался Олег.

Интересно, что ни Акуш, ни Яким Сухова не трогали – они держались как бы в стороне. Но было у Олега подозрение, что именно воевода с окольными и ставили все или почти все «батальные сцены», напускали на него безбашенных и отмороженных – заплатив, подпоив, оговорив.

Правда, бросаться на своих врагов, выяснять с ними отношения Сухов не спешил – выжидал удобного момента. Да и куда ему было спешить?..

Двадцать первого марта, на Сорок мучеников, киевляне встречали весну – они открывали ставни, счищали снег с крыш, раскутывали молодые яблони в садочках. В этот день Олёна принесла с рынка, прозванного на Подоле «толчком» пару тёплых, только что испечённых «жаворонков» – со сложенными крылышками и чёрными изюминками вместо глаз. Ещё одна примета весны!

Снега рыхлели и сходили, открывая солнцу чёрные пашни. Земля парила, наполняя хрустально-чистый, студёный воздух запахами пробуждавшейся жизни. Только Днепр продолжал спать под холодным ледяным одеялом.

С самого утра Олег развёл суету – гонял своих новиков с горки на горку, сводил их в пары, и охотники-промысловики неуклюже фехтовали увесистыми деревянными мечами – тяжело в учении, легко в бою. Сам Сухов стоял на пригорке да покрикивал. Тут-то его и нашёл Коста Вячеславич⁵⁸ тысяцкий, поставленный главным над полком новгородским. Это был грузный человек, чрезвычайно широкий в плечах, однако впечатление неуклюжести было обманчивым, на самом-то деле Коста был весьма проворен.

– Здорово, Олег Романыч, – пробасил он и засопел.

– Здорово, коль не шутишь.

Посопев изрядно, словно соображая, что же сказать, тысяцкий заговорил прямо:

– Вчерась ты с Судимиром бился на мечах, цегой-то вы не поделили...

– Судимир? – нахмурился Сухов. – Это не тот ли конопатый, с рваным ухом?

– Он и есть! Медведь ему ухо порвал – зацепил удачно, не то бы всю башку снёс... –

Снова посопев, Коста добавил: – Ты ж мог прибить Судимира.

– Мог, – подтвердил Олег.

– А не прибил, подранил только...

---

⁵⁸ Коста Вячеславич и Судимир из Славны – реальные лица, участвовали в походе Ярослава Всеволодовича на Киев.

– Коста, – улыбнулся Сухов, – знаешь, я как-то не рвусь за славой палача. И не люблю устраивать чьи-то похороны – душу берегу, сколь возможно. Судимир напал, я дал сдачи... – Отвлекаясь, он крикнул: – Олфоромей! Пусть твои отдохнут! Станята, раздай мечи своим!

Тысяцкий поглядел на пыхтящих новиков, осваивавших науку побеждать, и договорил:

– Судимир из Славны мне седьмая вода на киселе, родня дальняя, а всё ж родня. Спасибо, что не дал помереть дураку...

– Да не за что, – улыбнулся Сухов.

– А новгородцев своих я прижму, – пообещал Вячеславич, – пригляжу, чтоб к тебе не лезли. А то этот Влункович больно много силы взял – пушай своими новоторжцами вертит, как хочет, а моих не трогает.

– Яким поближе к князю прибывается, вот и оттирает всех, кто рядом, – локтями работает вовсю, кулаками машет. Может и подножку поставить...

– Ха! Да не выйдет у него ни хрена! Князюшка наш добра не помнит, а мне так зло его памятно. Вона, лет осмнадцать минуло, как у Липиц битва была – должен помнить... А, да ты ж из греков... Липицы – это в родных краях Ярослава Всеволодовича. Сцепились тогда князья, никак земли поделить не могли. Тьму⁵⁹ народу перебили... Так что ж? Пленных новгородцев князь наш зарезать велел, а от Липиц первым дунул! И сдался первым же, а после у брата Константина прощение вымаливал и волости, а у тестя, Мстислава Удатного, чтоб жену возвернули, Феодосью Мстиславну. Во как! Князь поступает так, как его правая нога велит, – того повысит, этого понизит... Так-то вот. Разговорился я что-то не по делу... Я ж к тебе с другим шёл – Ярослав Всеволодович всех призывает до себе, гостей привечать будем.

– Это кого ж к нам чёрт несёт?

– Владимира Рюриковича, князя бывшего!

Бывший великий князь оказался мужчиной в возрасте. Одет он был пышно, с щегольской роскошью – сплошь соболя да парча, но вот дружину с собой Владимир Рюрикович привёл малую, да и ту наполовину из половцев собрал. Потому, видать, и зазвал Ярослава Всеволодовича, что сам он Киев удержать не способен был – силёнок не хватало.

Встречали князя на Бабином Торжку, где выстроились полки и дружина Ярослава Всеволодовича. Новики были отгеснены на задний план, поближе к народу – киевляне собрались толпами, жадно рассматривая прибывающих и встречающих.

Ярослав приоделся на киевский лад – в длинную зелёную свиту с красной каймой по низу и золотыми зарукавьями, сверху накинул синий плащ-корзно с серебряным позументом, на ноги портки натянул рытого бархату, а обулся в зелёные сафьяновые сапоги. Голову великого князя покрывала (так и хотелось сказать: венчала) круглая шапка с меховым околышем.

Ярослав Всеволодович вышел к Владимиру первым, как всякий любезный хозяин.

– Здрав будь, Володимир! – сказал он.

– И тебе поздорову, – ответил Рюрикович.

Дружески приобняв Владимира, великий князь киевский повёл его в круглостенную Гридницу, что возвышалась в полусотне шагов от Десятинной церкви. Это была массивная ротонда, сажень⁶⁰ десяти в поперечнике. С внешней и внутренней стороны Гридница имела по шестнадцать полуколонн-пилястров, а посерединке обширного круглого зала находился массивный кирпичный столб в четыре обхвата, поддерживавший свод. Свет в ротонду проникал через арки окон, проделанные наверху между пилястрами, рассыпая яркие блики по фрескам, изображавшим сцены охоты, и по обливным керамическим плиткам.

---

⁵⁹ Под Липицами действительно полегло почти 10 000 человек, то бишь тьма.

⁶⁰ Сажень – мера длины, в среднем равнялась 2,10 метра.

Олег всё это видел, поскольку вошёл под своды Гридницы в числе «и других официальных лиц» – спальников, стольников, мечников, милостников, бояр киевских. Все расселись вдоль стен по резным лавкам, обшитым кожей и набитым шерстью для пушей мякоти, а Сухову сразу припомнилась Золотая палата императорского дворца – ротонда была на неё отдалённо похожа.

Оба князя устроились на скамье, окольцовывавшей центральную «подпорку», и повели переговоры на высшем уровне – вспоминали прежних владык киевских, признавали, что былая слава города на Днепре отгремела и увяла, обеднел Киев – куда ему до Новгорода али Владимира-Залесского!

Старенький боярин, рядом с Олегом превший в соболиной шубе и бобровой шапке, проскрипел тихонько:

– Жалиться приехал Володимер, волостей просить...

– Похоже, – кивнул Сухов.

Того же мнения придерживался и Ярослав Всеволодович, ибо, повздыхав о блеске минувших дней, великий князь сказал Рюриковичу:

– Пойдёшь в Переяславль⁶¹ княжить? Те земли и вовсе без пригляду, а мне всё не объять.

– А пойду! – загорелся Владимир – воспрял, плечи развёл, слабую улыбку наметил.

– По рукам?

– По рукам!

И высокие договаривающиеся стороны скрепили свои намерения пожатием рук.

Глазами отыскав Якима Влунковича, великий князь киевский сказал властно:

– Проводишь князя переяславского в Западный дворец и выставишь своих людей.

– А ты, княже? – спросил воевода обеспокоенно.

– И я не сбегу, – пошутить изволил Ярослав Всеволодович. – Бойцов у тебя довольно, пушай стерегут снаружи, а внутри... – Зоркие глаза великого князя обежали толпу и остановились на Сухове. – А внутри побудет Олег Романыч.

Олег поклонился, подумав мельком о том, как переменчива жизнь – магистр прогибается перед каким-то князьком! Когда он выпрямился, то перехватил жгучий, злобный взгляд воеводы – и поддался-таки искушению, не утерпел, подмигнул Якиме Влунковичу...

К ночи великокняжеский дворец затих, только зажжённые факелы потрескивали в своих держакках, бросая отсветы на стены и сводчатые потолки. Полусотня Олфоромея и столько же новоторжан сторожили все входы и выходы с улицы, сохраняя вооружённый нейтралитет.

Олег неспешно шагал длинным коридором, проклиная неведомого архитектора. Ей-богу, пьян был зодчий! Имелись во дворце комнаты, располагавшиеся на первом этаже, куда проникнуть можно было, только поднявшись на второй, а после спустившись обратно вниз. Два поворота заканчивались тупиками, а чтобы из умывальни пройти в малую трапезную, находящуюся рядом, за стенкой, следовало топтать по коридору направо, свернуть налево в другой коридор и добраться-таки до цели.

– Дурдом, – буркнул Сухов, пробираясь мимо опочивальни князя.

Странно, прислушался он, не спит Ярослав Всеволодович – ходит туда-сюда, меряет комнату шагами. Бессонница замучила или грехи покоя не дают? Ага, притих вроде. Кровать заскрипела.

Олег дошагал до конца коридора, до стрельчатого окна с частым переплётом, но и сюда донёсся могучий храп. Угомонился великий князь... Сухов зевнул с хрустом, поминая лихом придворную службу, – любил он поспать вволю, да чтоб вставать попозже, а тут броди всю ночь напролёт!

---

⁶¹ Имеется в виду Переяславль Русский (он же Южный), оборонявший левобережье Днепра от кочевников.

Рассудив, что холодный ночной воздух поможет бороться с сонливостью, Олег растворил узкое стрельчатое окно в конце коридора. Тяжёлая бронзовая рама, заделанная массой мутных стёклышек, загнулась и зазвякала, впуская свежесть и голоса.

– ...А я туда спяну забрёл вчерась, – донёсся оживлённый голос Якима Влунковича, – там у латинян то ли церковь, то ли монастырь, я так и не разобрал – спать залёг на какой-то лавке. Просыпаюсь – бубнит кто-то. Гляжу – поганый, из степняков, лапу свою немытую на Библию поклат и чешет, как по писаному! Я, грит, клянусь всех ханов извести, живота, грит, не пожалею! Видал, цего делается?

– Поганые, они поганые и есть, – откликнулся чей-то басок. – Кочевого хоть трижды окрести, всё одно нехристом останется!

– Твоя правда, Труфане...

Сухов зевнул, потянулся и решил, что подремать на посту не помешает. Хоть посидеть с закрытыми глазами! А спит он чутко...

...Было часов шесть утра, когда Олег вышел из тяжкой дрёмы. Света от восходящего солнца поступало столь мало, что рано было гасить факелы. Ополоснув в умывальне лицо, Сухов вышел – и увидел чужого. Некто в чёрном стремительно шагал по коридору, хоть и припадая на правую ногу.

– А ну, стой! – окрикнул Олег нарушителя.

Тот резко оглянулся, и Сухов узнал Бэрхэ-сэчена.

– Стой, кому сказал!

Плосколицый не стал искушать судьбу, а метнулся к лестнице, бегом взбираясь наверх, к княжым покоям. Олег погнался следом. Пронёсся по всему коридору, заглядывая за каждый угол, но никого не обнаружил. Замерев, Сухов прислушался – тишина. Но не приснился же ему этот монгол, или кто он там!

Тишайший шелест шёлка подал Олегу знак. В последний момент он резко присел – и спас себе жизнь. Лезвие сабли просвистело над самой его головой.

Упав и перекатившись, Сухов вскочил, выхватывая меч, однако Бэрхэ-сэчен не захотел дуэли и кинул саблю в ножны. Метнувшись к ближайшей двери под аркой с колонками, он скрылся за нею. Олег зарычал от злости, но долг превыше всего.

Подбежав к дверям опочивальни, он тихонько приоткрыл её, больше всего опасаясь увидеть окровавленный труп на постели. Ан нет, князь был жив. Сидя в одной рубахе, свесив на пол волосатые ноги, он накачивал себя пивом – кадык так и ходил вверх-вниз, вверх-вниз.

Наслушавшись постанываний, причмокиваний и бульканья, Сухов притворил дверь. Помчался обратно. Ворвался под арку в пустую комнату – и обнаружил глубокую нишу, в которой закручивалась винтовая лестница. Похоже, Бэрхэ-сэчен знал дворец лучше него!

Высочив на улицу, Олег столкнулся с Олфоромеем.

– Утречка доброго! – пожелал Лысун.

Сухов отмахнулся.

– Отсюда никто не выходил? – спросил он. – Степняк, плосколицый такой?

– Дык только что вышел...

– А кто его пускать велел?! – напустился Олег на новика.

– Дык грамотка у него была, – растерялся тот, – вот Станята и пропустил...

– Куда он побежал?

– Кто?

– Степняк!

– А-а... А он не побежал, пошёл себе во-он в ту сторону.

– За мной, живо!

Олег с Олфоромеем пересекли Бабин Торжок, миновали высокую каменную ограду богатой усадьбы – Гордятина двора – и выбежали на неширокую, но прямую улицу.

– Да вон он! – обрадовался Лысун, пальцем тыча в чёрную фигуру, удалявшуюся быстрым шагом.

– Ти-хо! За ним.

Бэрхэ-сэчен свернул в неприметный переулочек, и Сухов нагнал, побежал скачками. Затормозив у поворота, он выглянул, и вовремя – плосколицый быстро поднимался на крыльцо дома, дверь которого услужливо придерживал длинноротый Савенч.

– Та-ак... – проговорил Олег. – Вот что, Лысун. Я здесь побуду, а ты обойди тот дом вокруг, глянь, нет ли там другого выхода. Понял? И сразу сюда.

Олфоромей кивнул и отправился на разведку. А Сухов пристроился за толстым каштаном, поглядывая поверх развилки.

Дом, в котором скрылся Бэрхэ-сэчен, был не из бедных, но и роскошью не блистал. Поднимаемая стена на три этажа, он поддерживал крышу из двойного теса. Ставни были закрыты, дым из трубы не вился... Называется: «Никого нет дома».

Лысун показался из глухого переулка, и Олег негромко свистнул ему.

Олфоромей живо дотопал, притулился к дереву.

– В общем, так, – сказал он веско. – С той стороны – овраг глубокий, забора там нет. И ежели этим охота придёт отъехать незаметно, то они по оврагу-то и уйдут. Однако снег нетронут.

– Ясенько... Вот что, сбегай тогда к нашим, найдёшь мне кафтанчик, как у «чёрного клубука», и притащишь сюда. А я пока посторожу.

– А кто это, вообще?

– Знать бы... Ты про монголов слышал что-нибудь?

– Монголов?..

– Ну, как их тут ещё называли... называют... Татары!

– Дык кто ж про татар не слыхивал! Знамо дело, слыхал. Они ж у прошлом годе на болгар войной ходили, кучу народу побиили, все грады пожгли. Была Булгария, и нету!

– А ты этих татар живьём видал?

– Врать не буду, не видал. А цего?

– А того, друже Олфоромей, что мы давеча татарина догоняли.

– Ну?! – выдохнул Лысун. – А цего он во дворце забыл?

– Вот это мне и интересно! Ходит этот гад по Киеву, вынюхивает, а потом всё своим ханам доложит. Может такое быть?

– А цего? Запросто!

– Вот и я так думаю... Ты ещё здесь?

– Бегу!

Олфоромей убежал, но ожидание не затянулось – вскоре новик примчался обратно и протянул Сухову тёплый халат из некрашеной бурой шерсти, расшитый по краям тесьмою.

– Вот! Бегубарс Тоглиевич передал, он сам из берендеев.

– Порядок!

Олег накиннул поверх кольчуги халат и подпоясался кушаком.

– Шапчонку мою возьми, – Олфоромей сдёргнул с головы войлочный колпак, – кочевые-то такие носят.

– Спасибо.

Едва Олег договорил, как на крыльцо вышел Бэрхэ-сэчен, небрежно отмахиваясь от Савенча, изнывавшего от желания услужить.

Плосколицый спустился по ступенькам и направился к усадьбе Гордяты. Обогнув богатый двор, двинулся далее. Бэрхэ-сэчен шёл неторопливо, не оглядываясь, безо всякой опаски, как у себя дома. По-хозяйски. Это Олега злило.

Сухов шагал следом, пытаюсь быть незаметным, стараясь не маячить – то ствол дерева его прикроет, то будка менялы.

Между тем Бэрхэ-сэчен прошёл за городские ворота, а за мостом дорога разбегалась новыми улицами, проложенными во времена Ярослава Мудрого – каких-то двести лет назад.

Вдали, вырастая над крышами, сияли купола многоглавой Софии Киевской, но Бэрхэ-сэчен шагал не туда.

Внезапно в его поведении наступила перемена, резкая и странная, – монгол отшатнулся, отбежал к стене, пластаясь по ней и замирая.

Сухов замедлил шаг, недоумевая, что же так напугало плосколицего. Впереди неторопливо переходил улицу пожилой человек восточной наружности. Он зябко кутался в шубу, а наряд его дополняла чалма.

Бэрхэ-сэчен пристально следил за пришельцем с Востока. Тот, всё так же неспешно, направил стопы на заход солнца, к Золотым воротам, и плосколицый двинулся следом. Олег ухмыльнулся – они шествовали втроём и «пасли» друг друга. Ну, так даже интереснее...

Тут человек в чалме обернулся, узнал Бэрхэ-сэчена – и метнулся в переулок, узкий и кривой. Монгол погнался за ним, а Олег – за монголом.

Переулок вывел всю троицу в садик, деревца которого росли так густо, что ветвями прикрывали не хуже листвы. Оглядевшись, Сухов никого не обнаружил, но тут же услышал голоса.

– Не трогай меня, нойон!⁶² – хрипел «восточный человек». – Я буду тебе полезен!

– Что ты здесь делаешь, Халид, шакалье охвостье? – рычал Бэрхэ-сэчен, страшно коверкая арабскую речь и тиская горло Халида крепкими пальцами.

– Не убивай! – взмолился тот. – Я всё-всё скажу! Меня послал сам Гуюк-хан⁶³ к князю Ярославу! Старый Абдалла, посланный ханом ранее, не давал о себе знать, и...

– Где сейчас Гуюк?

– В степи! – заторопился восточный гость. – В степях за рекою Дон. Гуюк-хан вместе с Менгу покоряет половцев! Ох... Я понял – это ты убил Абдаллу... Нет-нет, ты не думай, я никому не скажу! – Он заскулил: – О, нойон, не делай жён моих вдовами, а детей – сиротами! Не...

Голос его прервался, сменившись клёкотом и переходя в затухающее сипение.

Олег поднырнул под свисавшие ветви и оказался в двух шагах от Бэрхэ-сэчена, вытиравшего окровавленную саблю о шубу бездыханного Халида.

– Ай-ай-ай, – неодобрительно покачал головой Сухов. – Убивать послов – нехорошо. И как тебе только не стыдно...

Монгол спокойно оборотился к Олегу. Сабля в руке его описала дугу и замерла, подрагивая.

– Уходи, – сказал Бэрхэ-сэчен равнодушно, – тебе я дарю жизнь.

– А я не принимаю подарков от кого попало! – резко ответил Сухов, выхватывая меч и тут же делая выпад. Монгол ушёл легко, играючи. Отшагнул, увлекая Олега за собой, и тут же атаковал.

Бэрхэ-сэчен был быстр, дьявольски быстр, он опережал противника всего на долю секунды, но эта доля решала исход поединка. Сухов едва успел присесть, как сабля с шипением прошла над его головою, разрубая войлочный колпак. Олег тут же подпрыгнул, пропуская вражеский клинок под собою, отбил рубящий удар слева, едва успел уклониться от колющего справа. Он с трудом держал оборону, не имея ни мига для нападения. Опыт схваток подска-

---

⁶² Нойон – «господин» (монг.). Князь и военачальник.

⁶³ Гуюк-хан – старший сын Угэдея, великого хана и сына Чингисхана. Гуюк не признавал верховенства Бату-хана (Батгя) и вёл свою политику.

зывает руке, державшей меч, откуда ждать выпада, клинок порхал, взблескивая на солнце, но сабля управлялась ещё скорее.

Неожиданно Бэрхэ-сэчен задел клинком ветку старой вишни, и Олег поспешил – его меч тут же распорол монголу халат, даже не поранив степняка.

– Багатур!..⁶⁴ – насмешливо произнёс Бэрхэ-сэчен.

Сухов упрямо сцепил зубы и продолжил бой, выжидая, когда ему будет дан второй шанс. Он сражался с величайшим напряжением, не ослабляя усилий, и всё лучше понимал, что ни навык его, ни умение не помогут совладать с монгольским нойоном. За ним было одно-единственное преимущество – возраст. Бэрхэ-сэчен выглядел крепким, но глубокие морщины выдавали число прожитых зим. Нойону не выдержать бешеной растраты сил в поединке – он начнёт сдавать, уступать Олегу одно мгновение за другим, и вот тогда...

Внезапно раздались крики и удалой посвист – трое «чёрных клобуков», свита Бэрхэ-сэчена – ломились через кустарник верхом. Верный Савенч вёл в поводу чагравого скакуна.

– Савенч! – крикнул монгол. – Тотур! Сюда!

Сухов мгновенно отпрянул, уходя под защиту дерева – лишь бы отдышаться. И принять бой со всей четвёркой. «Вот, значит, где всё кончится...» – мелькнула у него мысль. Но судьба преподнесла и приятный сюрприз – примерно с той же озвучкой, что и у степняков, к садику вырвался добрый десяток новиков во главе с Олфоромеем. Верный Лысун скакал на лохматой рыжей кобылке и держал в руке поводья суховского чалого.

Олег буквально взлетел в седло, шлепком по плечу выражая благодарность Олфоромею, но Бэрхэ-сэчен продолжал опережать – трое чёрноклобуцких воинов и монгол пустили коней галопом, прорываясь в незаметный переулочек.

– Луки к бою! – гаркнул Сухов.

– А нетути! – виновато сказал Олфоромей. – Я погнал кого мог, мы за «чёрными клобуками» увязались и пришли у них на хвосте!

– Догнать гадов!

Весь десяток рванул с места. Олег первым ворвался в переулочек, проскакал его и вынесся на широкую улицу, уводящую к Лядским воротам. Четвёрка заметно удалялась, скача во весь опор и распугивая прохожих. Новики кинулись вдогон, пролетая между застывшими в ужасе киевлянами, перескакивая брошенные корзины и выюки, краем уха улавливая вопли и брань.

– Дорогу! – орал Станята. – Дорогу!

– Дорогу! – вторил ему дюжий Олекса Вышатич, трубно взрёвывая.

Киев только казался большим, на самом-то деле невелик был – вот и ворота Лядские показались. Новики, как по команде, засвистели, и стража мигом рассыпалась в стороны. Кони гулко протоптали по мосту и вынеслись за город.

– Вон они! – заорал Станята, указывая плетью. – К реке подались!

– Ходу!

Бэрхэ-сэчену и его свите удалось отъехать от берега шагов на двести – видно было, как из-под копыт брызжет отбитый лёд. Олег первым вырвался на хрусткие речные покровы, как вдруг его догнал отчаянный вопль Олфоромея:

– Сто-ой! Стой, Христа ради! Сгибнешь!

Недоумевая, Сухов развернулся в седле и увидел, как новики бешено машут ему руками: назад, мол!

И только теперь, когда топот копыт и толчки крови уже не мешали ему слышать, Олег уловил, как воздух сотрясается от глухого гула. Протяжный скрежет и вой разносились над рекой – Днепр просыпался и лениво скидывал с себя одеяло. Начинался ледоход.

Сухов, матерясь и оглядываясь на улепётывающие чёрные фигурки, вернулся на берег.

---

⁶⁴ *Багатур* – богатырь, герой (монг.).

И тут же, словно дождавшись его спасения, Днепр начал вскрываться – по льду разбежались трещины, со страшным грохотом покровы лопались, вспучивались и оседали.

– Не доехать «клобукам», – авторитетно заявил Станята.

– Они уже до середины добрались, – возразил Олекса.

– То-то и оно, что до середины!

Льдины подныривали, наезжали, лопались, сталкивались, громоздя торосы, и вот вся эта колоссальная, намёрзшая за зиму масса тронулась и поползла по течению, толкаемая прибывающей водой.

– Всё! – весело завопил Олфоромей. – Перетрёт того татарина в кашу!

– На льдину намажет! – подхватил Станята.

– И Днепра-батюшку угостит! – заключил Олекса.

Сухов вглядывался, пытаясь различить фигурки беглецов, но река стала как рассыпанная мозаика – стылого панциря более не существовало, были отдельные льдины, несомые чёрной водой.

Олег заметил метавшихся по белому обломку лису и зайца – видать, один убежал, другая догоняла, а нынче оба в беде.

На большом ледяном пласту проплыл перекошенный сарайчик, а за ним – стог сена. Дохлая лошадь. Изломанные сани. Обкорнанный ствол дерева.

Сухов бросил последний взгляд на дальний берег и скомандовал:

– Возвращаемся!

Глава 6, в которой Олег вязывается в драку

Седьмого апреля, на Благовещение, киевляне выходили на улицы с клетками, плетёнными из ивового прута, и выпускали «заключённых» птиц, чтобы те «пели на воле, Бога прославляли и просили счастья-удачи тому, кто их выпустил».

К этому дню лёд сошёл совершенно, а снег задержался разве что во глубине сырых балок, куда не часто заглядывало солнце. А как разгулялись вешние воды! Днепр разлился до самого горизонта, затопив восточный берег, и гляделся морем необъятным, разве что накатывающие прибоя не доносились.

Вода подтопила многие дома на Подоле, но хозяева были людьми опытными, к половодью привычными, и спасались у родни в Копыревом конце.

Тепло всё прибывало и прибывало, влажный ветер из Дикого Поля доносил возбуждающие запахи, от коих не одни лишь «чёрные клобуки» в беспокойство впадали, а и пахари, давно уж приросшие к своей земле, испытывали неясное томление, вдыхая терпкий степной дух.

А Олег по-прежнему тянул лямку, муштровал новиков – и всё сильнее ощущал нетерпение. Ещё совсем недавно, в Константинополе, которого уже нет, он искал покоя подле любимой женщины, а ныне, когда утратил её, рвался в бой, не вынося скуки заведённого порядка. И вот надежды его – устроить ха-арошую потасовку – стали вроде сбываться. Начинало попахивать войной.

В общем-то, боевые действия на юге так называемой Киевской Руси и не прекращались, просто борьба князей за галицкий, да за киевский престолы обострилась в те годы до крайней степени, принося народам смерть да разруху.

Михаил Всеволодович, князь галицко-черниговский, собирал войско в поход на Киев. И то сказать – Киевское княжество разделяло два его владения, Чернигов и Галич, лишая земли единства и целокупности. А вот ежели к ним Киев присоединить... Тогда власть князя Михаила распространится от Карпат до реки Воронеж, а где власть, там и богатство.

Надо сказать, что весной 1237-го Михаилу Всеволодовичу приходилось туго – Даниил Романович мало-помалу одерживал над ним верх. До того ободрился князь волынский, такую силу почувствовал, что решил дружку помочь, австрийскому герцогу. Видя такое дело, венгерский король Бела IV вынужден был отговаривать Даниила от столь опрометчивого шага, а взамен заключил с ним надёжный мир.

В общем, к весне Михаил Всеволодович не только оказался отрезанным от своей «отчины», но и растерял всех союзников – и Конрада Мазовецкого, и Изяслава Мстиславича, и короля Белу. Пришлось ему мириться с Даниилом и передать Романовичу Перемышль...

А Ярославу Всеволодовичу стало ясно: замирившись на западе, Михаил обратит свой жадный взор на восток. И вот в середине апреля прискакал к Ярославу гонец и передал тревожную весть – галицко-черниговский князь слал в поход два полка с воеводою Мирославом, слал на Киев.

В тот же час великий князь киевский собрал в Гриднице главноначальствующих и отдал приказ:

– Тебе, Яким Влункович, следует выступить на Мирослава – не побьёшь, так потрепелешь. Обескровишь войско галицко-черниговское, измучаешь стычками да налётами. Пойдёшь напрямую, через Мическ на Тихомель.

– Слушаю, княже, – прогнулся воевода набольший, – вот только не мало ли нас будет противу двух-то полков?

Ярослав Всеволодович нахмурился и оглядел собравшихся.

– Эва как... Олег Романович, – сказал он, обращаясь к Сухову, – пойдёшь на ту же войну.

– Да, княже, – поклонился Олег.

– Дозволь слово молвить, – поднялся Владимир Рюрикович. – Пусть бы и мои половцы в походе поучаствовали. Две сотни дам с конями заводными.⁶⁵

– Добро, – кивнул Ярослав. – Сколь людей у тебя, Романыч?

– А тоже две сотни, княже.

– Тогда и половцев бери. Будешь полутысяцким.

– Половцев? – повторил Сухов, будто и не замечая повышения. – Это дело, княже. Половцы – конники знатные. Мне б тогда и лошадей для воев моих, не пешком же им топать.

– Найдём, – веско сказал Владимир, обрадованный похвалой Олега. Видать, заедало князя то обстоятельство, что дружина его сплошь из степняков состояла.

– Раз так, не медлите, – строго молвил Ярослав Всеволодович. – Чем скорее обернёться, тем лучше. Награжу! Ступайте с Богом.

Сборы были недолги. Вскоре новоторжане Якима Влунковича выступили за пределы Золотых ворот, открывавшихся на западную сторону. Следом выступили новики да половцы. Степняки таскали на себе тяжёлые доспехи вроде длинных курток из бычьих шкур и кожаные шлемы. Щитами половцы не пользовались, а вот луки они держали поближе к себе.

Новоторжцы ехали, не особо разгоняясь. Сухов повёл своих стороною, дабы не пересекаться с Якимом. В конце концов, великий князь ничего не сказал о главенстве, стало быть, воевода ему не указ...⁶⁶

Под вечер две растянувшиеся колонны, большая и поменьше, сблизилась. Воевода выехал вперёд и вскинул руку.

– Эгей, рыцарь! – крикнул он с ухмылкой и показал на рожицу между холмами. – Ночуем здесь! Ты только своих подальше отведи. Понял? Во-от... А то от вас хлевом так и прёт! Новики твои навозом коровьим провонялись, степняки лошадиным кизяком смердят, а мы нюхай!

Новоторжане жизнерадостно загоготали, а Олег тонко улыбнулся.

– От вас и вовсе говном человечьим несёт, будто все разом обделались, – любезно заметил он. – И ничего, притерпелись мы. Да, Олфоромей?

– Ага, – кротко ответил Лысун. – Глаза только щиплет.

Новики захохотали. Те, кто владел наречием степняков, перевели суть сказанного половцам, и хохот разросся, захватывая всю полутысячу. А сам полутысяцкий, с удовольствием наблюдая за тем, как выступают красные пятна на лице Влунковича, поспешил успокоить набольшего:

– Ладно, ладно, как скажешь. Подальше, так подальше. Хоть глаза резать не будет. Айда, ребята!

И ребята взяли с места, удаляясь от лагеря новоторжцев.

Немного погодя Олег въехал на высокий плоский холм и оглянулся назад. Далеко-далеко, пробиваясь искорками в густеющих сумерках, мерцали костры.

– Ужин, чай, готовят, – принялся Лысун.

– Едем, – сказал Сухов. – Чем скорее обернёмся, тем лучше.

– Задумал чего? – поинтересовался Олфоромей.

– Да есть маленько...

---

⁶⁵ Заводной – запасной.

⁶⁶ К сожалению, регулярной армии на Руси не водилось. Не было ни единого командования, ни строгой иерархии с железной дисциплиной – дружины следовали в поход по отдельности, могли и вовсе уйти от одного князя к другому. Именно поэтому огромное войско, собранное князьями для битвы на Калке, проиграло монголам, предопределив, по сути, будущие разгромы.

Сотни конных ринулись вниз с холма, проехали топкой низиной и поскакали по отлогому склону, желтевшему прошлогодней травой. Редкие деревья стояли поодиночке, растопырив голые чёрные ветки.

Половцы, свистя и улюлюкая, понеслись впереди, не пропуская ни кочки, ни борозды, – известные следопыты, они читали землю под ногами как открытую книгу. Следов было мало – вон пара туриц пробежала, рядом пролегла старая, сглаженная колея.

– А вот, глянь, – сказал Олег, показывая на следы лошади. – Неподкованная! Половецкая? Молодой Кулмей пригляделся и уверенно сказал:

– Не, то тарпан пробежал. Дикая лошадь.

– Наверное, от волков удирал, – сделал вывод его друг по имени Итларь. – Смотри, шаг какой!

– Похоже...

Оба половца сложили пальцы в охранительном жесте – волки степняками почитались за священных покровителей.

Солнце село, землю укутали тени, предвестники ночи, а отряд всё скакал и скакал на запад. Лишь перейдя вброд речку Тетерев, Сухов объявил привал.

Коней согнали в табун и отправили пастись под усиленной охраной, а на берегу разжигали костры, подвешивали над огнём котелки с водой, доставали из сумок крупу и солонину. Итларь, жадно принюхиваясь к запахам, исходящим от варева, не утерпел и сгонял подальше в степь, притащил дикого луку и ещё каких-то пряных трав. Накрошил поровну во все котлы – и дух пошёл такой, что даже терпеливый Олфоромей не выдержал.

– Вари быстрее! – простонал он.

Кашевары дружно заработали черпаками, помешивая походное яство.

После сытного ужина, с запивкой по вкусу – кому кумыс, кому сбитень, – воины стали укладываться, а сотники расселись у одного костра с полутысяцким и устроили военный совет.

– Чего делать будем? – с ходу спросил Чюгай Акланович, натуральный половец – длинные волосы его отливали соломенным цветом.⁶⁷ В рубахе, кафтане и кожаных штанах, Чюгай пропах дымной гарью и травяной горечью – истинный степняк.

– Задумал я, братие, дело одно, – сказал Олег, палкой вороша костёр, – дело опасное, зато и выгодное. Хочу, чтобы мы одни Мирослава отогнали, без новоторжцев! Знамо дело, побить войско галицко-черниговское нам не под силу, но разогнать его, проредить в стычках да засадах – это мы могём.

Слегка раскосые глаза Чюгая загорелись.

– Могём! – подтвердил он, гортанно выговаривая глагол. – А за то нам князь награду выдаст!

– Так это ж надо сперва новоторжан обогнать, – трезво рассудил Олфоромей, – чтоб не мешались.

– Как их придержать, я придумал, – сказал Сухов, – но суть не в том. Мало нас, вот в чём беда. Новики мои – ребята стойкие, лучники знатные, но конники они никакие...

– Пешцы мы, – кивнул Станята, – к земле привычны.

– Вот именно! Стало быть, вся надежда на половцев, а две сотни на два полка... – Олег покачал головою.

– Справиться можно, – осторожно сказал Итларь.

– Можно, – подтвердил полутысяцкий, – но сколь народу зазря погубим? Ведь галичане стоять да глазеть не станут, стрелять примутся!

– А я знаю, чего делать! – раздался из темноты голос Кулмея. – Надо ещё наших позвать!

---

⁶⁷ Некоторые византийские источники, а также восточные авторы описывают половцев как блондинов с голубыми глазами.

– Откуда, балбал?⁶⁸ – хмыкнул Чюгай. – В Шарукань за подмогой сгонять или в Балин.
– В Салмакаты!

Над костром повисло молчание.

– А ведь точно! – хлопнул себя по коленям Чюгай. – Это, если отсюда на заход солнца скакать, забирая к югу. В одном переходе!

– Да поболее... – усомнился Итларь. – Но всё равно, близко. А кто там сейчас сидит? Не старый ли Ченегрепа?

– Он! – кивнул Чюгай.

– Хм... А вернулся ли Ченегрепа с кышлага?⁶⁹ Зимует он у моря, а сюда обычно откочёвывает ближе к маю, когда всходит молодая трава...

– Ченегрепа, сын Белдуза, – мой дед! – гордо оповестил командующих Кулмей. – И в Салмакаты он возвращается, лишь только сходит снег. Тута айлаг его!

Итларь рот раскрыл, дабы определить место и значение молодого воина, но прикусил язык. Вместо отповеди он развернулся к Олегу и проговорил неторопливо:

– Салмакаты печенежской была, прадеды наши отвоевали её у орды...

– Йазы-Цопон? – не удержался Олег.

– Не-е... – замотал головою Итларь. – Кара-Бей. Крепость такой же осталась, а прежних хозяёв перебили...

– Одного на развод оставили! – жизнерадостно поправил его Кулмей, по-прежнему невидимый в потёмках. – Байчу, сына Кухея! Эй, Байча! Спишь?

– Заснёшь с тобой... – ответил ворчливый голос. – Чего тебе?

– Ты у нас печенег?

– Я не у вас, я сам по себе печенег. Всё, можно спать дальше?

– Спи, спи! – милостиво позволил Кулмей.

Отсмеявшись, командование вплотную занялось стратегией и тактикой...

На рассвете полутысяча тронулась к Мическу, что оставался в паре вёрст к северу, на том же берегу Тетерева. Городишко сей был мал настолько, что стены, окружавшие его, не имели башен. Но стража не дремала – мигом высыпала на заборолу,⁷⁰ лишь завидя конные сотни.

Олег подскочил к запертым воротам и крикнул:

– Княжье дело! Кто тут у вас волостель?⁷¹

Из бойницы над запертыми воротами высунулся дюжий мужик в шлеме-наплешнике.

– Ну, я, – прогудел он.

– Так слушай! Сегодня до вас доберётся полк воеводы Якима Влунковича, ясно?

– Ну, ясно...

– Ясно ему... Ежели не хотите бесчинств, встретьте их ласково, приветьте – пиво выкадите и чего покрепче. Они, чем пьянее, тем добрее!

– Ну, ладно...

– Ну, пока! – передразнил Олег волостеля и поворотил коня прочь, в степь Половецкую.

---

⁶⁸ *Балбалы* – каменные истуканы, которые половцы устанавливали на курганах в честь павших героев. *Шарукань*, *Балин* – половецкие города-крепости. Полагают, что Шарукань находился на берегу Северского Донца, местоположение Балина неизвестно. Салмакаты («Сторожевая крепость») упоминается Константином Багрянородным под названием Салмакатай.

⁶⁹ *Кышлаг* – половецкие зимние пастбища. Летние – *айлаг*.

⁷⁰ *Заборолу* – верхняя часть крепостных стен с проходом для воинов, защищённым парапетами с бойницами и крышей, укреплённой на столбах.

⁷¹ *Волостель* – должностное лицо, управляющее волостью от имени удельного или великого князя. Жалованья волостель не получал, кормился за счёт жителей.

Степь стелилась то гладкой, как море в тихий день, то слегка всхолмленной плавными перепадами высот и низин. А над нею распахивалось небо, такое же пустое и обильное простором.

Конь глухо тюпал копытами по колючей сухой траве, сбивал репейники, ступал в стародавний навоз, иссушенный ветром, переступал через лошадиные кости, выбеленные дождём.

К концу лета степная трава выгорает, бурее и желтеет. Ложится под осенними дождями неприглядными космами, приобретая вид унылый и безрадостный.

То, что простиралось вокруг, звалось равниной, однако монотонность плоского поля то и дело нарушалась – гладкую степь перерезали реки и ручьи, она распадалась оврагами, проваливалась круглыми котловинами-западинами с плоским дном, густо заросшим ивняком и осиновым кустом. Островами, затерянными в степном море, поднимались дубравы, кленовые и ясенево-рощи, а пески речных долин скреплялись корнями могучих сосновых боров.

Чем дальше на юг, тем пустыней становилась Половецкая степь – рощицы остались позади, даже одинокие деревья не показывались взгляду. Одно Дикое Поле простёрлось вокруг – неопрятное, нечесаное, в буром полегшем бурьяне. Но уже пробивалась зелень, прорастала, жадно поглощая воду и солнце, обещая взойти буйным разнотравьем.

И вот равнина стала всё чаще горбиться курганами, вознося к далёкому небу каменных «баб» с руками, сложенными на животах, и с грубыми ликами, скорее уж намеченными, чем высеченными. Или то ветер с дождями так постарались, стёрли черты за века?..

Под вечер открылась Салмакаты – круглая стена из белой глины, замыкавшая в себе «застройку» – островерхие войлочные юрты, саманные мазанки с покатыми крышами, бревенчатые срубы местных богатеев – дерево в степи дорого.

Местность вокруг крепости была голой – ни травинки, – изъезженной колёсами арб, истоптанной копытами коней и верблюдов, загаженной, но хотя бы не пыльной – слякотной.

Неровную глинобитную стену Салмакаты размыкали ворота-решётки из кривых стволиков, перевязанных кожаными ремнями. Десятки, да как бы не сотни юрт, крытых бурым, чёрным, белым войлоком, окружали крепость неровным кольцом, этаким предградьем, слободой на степной лад. Со стороны поля юрты были прикрыты рядами кибиток, а ещё дальше маячили конские табуны, пасущиеся верблюды, отары овец – «движимое имущество» куреня.⁷²

Первыми своё внимание на полутысячу Олега Сухова обратили стражники – в длинных кожаных панцирях, обшитых роговыми пластинами, нарезанными из копыт, в круглых шлемах с низкими шишаками на темени. Воины-половцы сидели у стены, приставив к ней копьё, и сонно следили за подъезжавшими. На их загорелых, обветренных лицах не было и тени тревоги – чувствовали свою силу. В Диком Поле они – хозяева.

Не доезжая до ворот, Чюгай Акланович спешил. Половцы спрыгнули следом, новики покинули сёдла, изрядно кряхтя с непривычки, а Олег слез на землю последним.

Из ближних юрт уже выглядывали любопытные ребятишки, чумазые растрёпы. Женщины в ярких цветных шабурах,⁷³ в жёлтых и зелёных платках, выкладывали на просушку сыр из кобыльего молока, то и дело поглядывая на Олегову рать, а вот мужчины скрывали свой интерес к новоприбывшим – не подобает сие воинам. Они степенно сидели на расстеленных кошмах и работали по хозяйству – подшивали сёдла, плели сбрую из кожаных ремешков, стро-гали древки стрел.

За юртами фыркали довольные кони – подростки скребли им бока пучками соломы. Чаги, женщины-служанки, хлопотали у очагов – то проса подсыпят в котлы, то сала копчёного доба-

---

⁷² *Курень* – объединение нескольких родов, вернее, кошей. Кош – «семья» (аил) из представителей двух-трёх поколений, разросшаяся за счёт «худородных» родичей и челяди.

⁷³ *Шабура* – верхняя одежда из домотканой шерстяной материи.

вят. Они доили кобылиц, вычёсывали верблюжью шерсть, пряли и ткали. Чаги тоже обращали внимание на гостей Салмакаты, но взглядывали мельком, походя – некогда им было.

А уж рабы с колодками на тощих шеях и вовсе отворачивались, косясь угрюмо и злобно. Колодникам поручалась самая тяжёлая и грязная работа – глину месить пополам с навозом и резаной соломой, лепить из этой гадостной массы кирпичи и заделывать прорехи в крепостной стене, пострадавшей за зиму. Выскрести шкуры, мочить их и мять в деревянных чанах с раствором едкого помёта, с утра до вечера взбалтывать кумыс в огромных бурдюках-турсуках из коровьих кож.

И весь этот народ возился вокруг, бегал, расхаживал, орал, бранился, огрызался, вонял... Неприятный, неопрятный, непредсказуемый.

Чюгай громким голосом обратился к стражам у ворот. Олег понимал с пятого на десятое – вроде как его представляли знатным «Олгу-батыром», прибывшим с дружественным визитом к солтану⁷⁴ Ченегрепе.

Стражники, уважительно поглядывая на «Олгу-батыра», пропустили его в крепость. Следом вошли Чюгай, Итларь и Кулмей, надувавший от важности щёки.

Изнутри Салмакаты казалась ещё больше. Внутри её стен полно было мазанок-овчарен, а посередине возвышалась, как меловой курган, юрта солтана из белого войлока. У её входа торчали длинные шесты с лошадиными хвостами на перекладинах, треплемые ветром. Это были бунчуки, знамёна солтанские.

Юрту Ченегрепы кольцом окружали шатры победнее, из бурого войлока, – место жительства жён солтана.

У дверного полога юрты Ченегрепы стояли два воина громадного роста, с неохватными плечами. Они грозно хмурились, сжимая рукоятки кривых сабель. Только намекни, живо пустят в дело...

Следом за Чюгаем Олег пробрался в юрту. Там было довольно опрятно – пол устлала ковры во много слоёв, деревянный каркас шатра покрывали разноцветные шелка. Света, проникавшего через дымовое отверстие-тоно в потолке, хватало, чтобы дать представление о богатом убранстве и о самом хозяине, восседавшем на толстой кипе кошм. Ченегрепа, сын Белдуза, не поражал богатырским сложением – росту среднего, мышцы заплыли жирком, волосатое чрево вываливается из кожаных шаровар. А вот лицо жёсткое, словно рубленное из дерева. Такой не будет колебаться, решая, казнить или миловать...

Половцы исполнили трио ритуал приветствия, в красках отобразив знатность и родовитость Сухова, а после Чюгай соло живописал ту нужду, которая привела «Олгу-батыра» в степь. Олег с трудом улавливал смысл сказанного.

Солтан Ченегрепа, снисходя до просьбы знатного соседушки, посланца самого «коназа», ответил в том смысле, что всегда готов к войне, и сделал широкий жест: присаживайтесь.

Сухов опустился там, где стоял, скрестив ноги, а хозяин юрты хлопнул в ладоши. Звякая цепями, появился колодник с бурдюком и наполнил пенным кумысом дорогие чаши китайского фарфора, на редкость чистые. Олег с удовольствием отхлебнул резкого, холодного напитка – видать, бурдюк в проточной воде держали.

Довольный солтан оскалил щербатые зубы, а Кулмей, погладив Ченегрепе толстые руки, и вовсе лучился, как начищенная номисма.

– Видал, какой у меня дед? – горделиво сказал он.

– Большой человек, – согласился Сухов.

– А то!

---

⁷⁴ У половцев не существовало верховного правителя, а среди знати выделялись ханы, беги и солтаны. Бег – глава коша, поэтому бегов называли также и кошевыми. Во главе куреня стоял солтан. На совете старейшин выбирался хан – глава самого большого куреня. Отличали также беев, знатных воинов, и батыров, славных своей храбростью.

Тут Чюгай повернулся к Олегу и передал слова солтана:

– Ченегрепа хочет знать, какая доля добычи достанется ему?

– Скажи, – спокойно ответил Сухов, – что всё, взятое с бою, достанется славному солтану.

Мы же идём не за добычей, а за победой.

Ответ Ченегрепу порадовал, и его последние слова стали понятны Олегу.

– Сегодня я буду гадать по волчьему вою, – торжественно сообщил сын Белдуза, – и скажу точно, что сулит нам война!

Стемнело быстро. Засинели сумерки, похолодало. Вспыхнули десятки костров, по всему становищу потянуло сладковатым запахом горелого кизяка. С первой звездой солтан Ченегрепа выехал на коне за пределы крепости и удалился в степь.

Олег с Кулмеем потихоньку отправились следом, но почтительно задержались у курганов, не смея мешать таинству гадания.

Как ни вглядывался Сухов в сумерки, различить, где там Ченегрепа, а где балбал на оплывшем кургане, он не смог. Зато отчётливо услышал солтана – тот издал хриплый вой, подражая волку. Вой был долог и тосклив, сам собою будя страхи перед оборотнями и упырями. Кулмей испуганно поёжился, и только присутствие Олега удержало половца от спешного ухода.

Неожиданно солтану ответил настоящий волк. Кулмей сгорбился, успокаивая встревоженного коня, и забормотал, вспоминая заклинания, рукою теребя оберег, висевший на шее.

Недолго тишину делили два голоса, волчий и человеческий – целый хор волков поднял вой, отвечая Ченегрепе.

– Возвращаемся, – негромко сказал Олег, – а то ещё дед твой нас застучает.

– Конечно, конечно! – поспешно закивал Кулмей и мигом развернул коня. Животное тоже было согласно удалиться...

Неслышимые и невидимые, они вернулись за стены Салмакаты, а вскоре, со всеми вместе, встречали солтана. Ченегрепа остановился перед воротами, куда сбросились все свободные, и провозгласил:

– Нам будет сопутствовать удача! Мы одержим победу! Яшасын!⁷⁵

– Яшасын! Яшасын! – радостно подхватил весь курень.

Половцы не делились на мирных скотоводов и воинов. «Если завтра в поход, если завтра война», то почти все они становились в строй – суровые мужи и мальчишки, молодые парни, жаждущие подвигов, и крепкие деды, вышедшие победителями из сотни боёв, девушки и незамужние женщины. Половчанки, правда, копьями не грозили врагу, но с луком управлялись получше иного мужчины.

Каждая семья из куреня Ченегрепы выставила по кошуну, как бы родовому полку. У Чурнай-бега насчитывалось всего полсотни воинов, у Тарха Красавчика и Камоса Карноухого – по сотне, а мужеподобная Аймаут вела чуть ли не двести конников. Всего войско Олега Сухова усилилось на полтыщи сабель. Сила!

Сам Ченегрепа остался в Салмакаты, переложив на «Олгу-батыра» верховное командование.

Перед рассветом конники пришлые и тутошние покинули крепость. Ехали быстро, а когда кони уставали, пересаживались на запасных – у иных степняков в запасе скакало по пять, по десять коней.

Половцы принарядились, как на праздник, – все в кафтанах с галунами по подолу, вороту и вдоль рукавов, а половчанки ещё и в коротких юбках поверх кафтанов, да с головными уборами из остроконечных шапочек с отогнутыми вверх полями, косичек, лент, цепочек и колец.

---

⁷⁵ *Яшасын!* – Да живёт! – половецкий клич, отдалённо соответствующий советскому «Да здравствует!»

Сухов ловил себя на том, что степняки ему нравились. То, что они антисанитарию разводят, отталкивало, зато половцы были единым народом и жили дружно. Случались, конечно, стычки – то водопой не поделят, то скотину уведут. Невесту украдут без уговору. Всякое бывало, но ханы не устраивали бойни и резни меж куренями и ордами, а воины половецкие были как на подбор – умелые, храбрые, дисциплинированные. Как начнёшь сравнивать с княжьем двором, тошно становится...

Путь «конармии» лежал на север, и Олег тихо радовался, что весеннее тепло не сменилось пока летнею жарой, иначе облако пыли, поднятое тысячами копыт, было бы видно издалека. А так чалый Сухова месил грязь, разбрызгивал лужи, тупал по леглой траве.

Скакали весь день до вечера. У реки Случ Олег выслал вперёд разведчиков, молодых, азартных половцев. Естественно, без Кулмея тут не обошлось. А, вернувшись, внук Ченегрепы радостно доложил:

– Видали мы новоторжан! Реку перешли и дюже с похмелья маются!

Совсем юная половчаночка, скуластенькая и метко стрелявшая глазками, добавила:

– Вялые все, лагерем становятся между оврагом и рощей.

Олег задумчиво подёргал себя за ус, а Лысун каждому подъезжавшему бегу объяснял, кто такие новоторжане и какие гадости говорили они в адрес половецкого воинства.

– Напасть и перебить! – решительно заявила дебелая Аймаут. – По оврагу мы подберёмся незаметно.

– Нельзя! – отрезал Сухов. – Какие ни есть, а новоторжане – люди князя киевского. Они нам не враги, скорее уж соперники – тоже ведь идут на войну с галичанами. А нужно ли нам делиться добычей и славой?

– Придумал цего? – осведомился Олфоромей.

– Да есть маленько... Коль у новоторжан до сих пор головка бо-бо и во рту будто кошка насрала, стало быть, крепко их угостили в Мическе! Считайте, на день они в пути задержались. Вот и надо нам ещё денёк выиграть...

– Как? – прямо спросил томный и смуглый Тарх.

– Разгоним их лошадей!

Лица половецв расцветились улыбками понимания.

– По коням!

К лагерю новоторжцев подкрадывались в темноте, следуя ручью, журчавшему на дне оврага. А когда в красноватых отблесках костров завиднелся обрыв у того места, где Яким Влункович объявил ночёвку, Олег завёл своих подалее в темноту и начал подъём.

Вместе с ним отправились верный Олфоромей, Кулмей (куда ж без него!), Тарх, Итларь, Байча и ещё четверо половцев, имён которых Сухов не упомянул.

Отправляясь на рискованное предприятие, оседлали самых смышлёных лошадей, а для верности обвязали их копыта войлоком – и не услышать, и следов не останется.

Десяток шагом объехал стан, хоронясь за кустарником и редко раскиданными деревьями. Тарх с Итларем пропали в ночи – поискать ночных дозорных – и обнаружили их мирно спящими. Ни убивать, ни будить сторожей не стали – тайные «гости» разбрелись по роще, не тревожа их сон.

Между деревьями были протянуты волосяные верёвки, к которым привязывали коней. Животные фыркали, порывались ржать, но половцы знали толк в лошадях и быстро успокаивали гнедков да саврасок. Споро заработали острые ножи, обрезая верёвки и поводья. Олег забирался всё дальше в рощу, освобождая всё новых и новых скакунов, шлёпая их тихонько по крупам, чтоб живее разбрелись.

– Ва-вай! – прошептал Кулмей неодобрительно. – Даже не расседывали!

– Пора, Кулмей, – тихонько сказал Сухов, плохо различая лоснящиеся спины лошадей.

Половец хищно улыбнулся и пропал. И вот вспыхнули факелы, загорелись охапки сухой травы, и дикие вопли раскололи ночь. Гикая, свистя, подкалывая коней копытами, пуская стрелы так, чтобы не убить, а испугать, половцы погнали лошадей в степь.

Обезумевшие от ужаса животные, визжа и храпя, бросились напролом – через лесок, через луг. Вытянувшись стрункой, мчались кони, покидая вчерашних хозяев, разбегаясь в стороны, кто к реке, кто на север, к городку Полонному.

Новоторжане с трудом возвращались в явь, подхватывались, метались, начинали стрелять по собственным коням, спросонья принимая их за вражескую конницу. Дикое ржание и суматошные вопли разносились по лугу, по роще, а десяток Олега уже уходил тёмным оврагом, незрим и неуловим.

Само собой, кони новоторжан почти все вернутся к хозяевам. Да хозяева и сами немало побегают по степи, отыскивая пропажу. День на это уйдёт – весь, без остатка. А Тихомель отсюда – в дневном переходе...

Олег ухмыльнулся и прибавил чалому прыти.

Скакать до Тихомели не пришлось – войско галицко-черниговского князя показалось сразу после обеда. Едва Олег успел утрясти в себе кусок вяленого мяса на лепёшке и хорошую порцию кумыса, как вот они, полки Мирослава!

Местность вокруг ровностью да гладкостью не отличалась, она то полого, очень полого вскатывалась, устраивая подъём чуть ли не до самого горизонта, то опадала спуском, едва заметным глазу. Спрятаться на этой перекособоченной плоскости было попросту негде – ни холмов поблизости, ни густых чащ. Только кое-где торчали одинокие деревья – разведчики Леса, заброшенные ветром в Степь, внедрившиеся в жирный чернозём, но так и не дождавшиеся подхода основных сил.

Сборное войско Олега двигалось по степному обычаю – несколькими колоннами. Новики, малоспособные биться верхом, старались не отставать и надеялись быть полезными – хотя бы числом своим страху нагонят на разных там галичан!

Молодые половцы рыскали на флангах и уносились далеко вперёд, разведывая путь и высматривая противника.

Вот пятёрка Кулмея доскакала до гребня возвышенности – и круто развернула коней, понеслась, что было мочи, до своих.

– Иду-ут! – долетел крик.

В тот же момент на «перевал» въехали чужие всадники, покрутились и сгнули.

– Ты не ори, – сердито сказал Сухов, – а говори толком! Кто идёт? Куда? Далеко ли?

– Галичане идут! – тут же отрапортовал Кулмей, вставая на стременах. – На нас идут!

Они в трёх перестрелах!⁷⁶

Олег и сам приподнялся над седлом, гаркнув:

– Вперёд!

А половцам объяснять, что к чему, нужды не было: ясно же – с горки ударить куда способней, нежели на горку мчать. И вся конница мигом прибавила прыти, одолела гребень – и оказалась в виду двух полков, над коими реяли жёсткие стяги с зубцами и колыхались хоругви. Полки на ходу перестраивались, смыкая ряды, подтягивая растянувшийся арьергард, а сам Мирослав скакал перед войском – меч наголо, красный плащ за плечами веет, конский хвост и грива на отлете. Картинка!

– Тарх! – крикнул Сухов. – Камос!

Подчиняясь мановению его руки, половцы бросились в атаку. Им не надо было объяснять тактику войны – степняки действовали по опыту сотен боев. Летучие отряды Тарха и Камоса

---

⁷⁶ Около полукилометра.

налетели на галичан, ввязываясь в бой издалека – пуская стрелы на скаку и всякий раз попадая, не во всадника, так в его коня.

Покрутившись, побезобразничав, половцы ускакали прочь, но уже новые сотни тревожили полки, беспокоя их с флангов. Разозлённые галичане контратаковали, бросались на степняков, но куда там – половецкие отряды мигом рассыпались, отходя веером.

Это была давняя, проверенная метода – «свора собак против медведя». Медведь ворочается на месте, ревет от злости, бьёт лапами наотмашь, а собаки вёрткие, под удар не попадают, кусаются, хватают зверя то за лапу, то за бок...

Подскакавший Чюгай возбуждённо крикнул Олегу:

– Хороший овраг есть! Глубокий, и близко отсюда!

Сухов, наслышанный о степных войнах, тут же отдал приказ – учинить ложное отступление.

Половцы завыли по-волчьи, накидываясь на галичан всем скопом, но не приближаясь на длину меча, по-прежнему действуя издали – меча стрелы, дротики, копья, накидывая арканы на воинов и сдёргивая тех с сёдел.

Мирослав воякой был опытным, он и венгров бил, и ятвягов, и ляхов, и рыцарям-меченосцам жизни давал, а вот со степняками дела не имел. Это его и подвело.

Накал страстей достиг предела, галичане уже и сами выли от ярости, пытаясь достать половцев, хоть как-то уязвить наглых кочевников, и те «дрогнули», начали отступать, а после развернули коней и стали трусливо драпать с поля боя. С торжествующим рёвом полки Мирослава бросились вдогон – выхваченные мечи так и заблестали на солнце, готовые рубить и кроить податливую плоть.

– Бей «копчёных»! – взвился крик.

– Бей! Бей!

– Руби! Коли!

– Врешь, не уйдёшь!

А половецкие сотни заметались, как будто отчаянно ища прибежища, да и ринулись в устье глубокого оврага, втягиваясь в него потоком разгорячённых тел. Галичане с победными криками понеслись следом, забираясь всё дальше – вот-вот догонят, покروشат беглецов, растопчут...

– Олфоромей! – рявкнул Олег, едва сдерживая дикое возбуждение. – Станята! Наш черёд!

И новики, вместе с сотней Итларя, ударили в тыл галичанам, этакой пробкой запечатывая устье оврага.

Здесь, между оплывших стен балки, было душно – жар, исходящий от лошадей, держался, наплывал, не рассеиваясь под ветерком.

Новики ударили «клином», выставив копья. Половцы поддержали их с флангов, пуская стрелы в упор или навесом – в узком, замкнутом пространстве оврага ни одно из смертоносных жал не пропало зря.

Сухов не мог видеть, что творится впереди, но догадывался – кошуны из Салмакаты перестали «трусить» и развернулись, в упор разя противника, опорожня колчаны, а самые горячие кидались с саблями на мечи. Бешеное мелькание копыт... Выпученный конский глаз... Трава, раскрошенная в труху... Оскал зубов, мелькание стали, лютая бледность на лицах...

– Кулмей! – крикнул Олег изнывавшему молодцу. – Скачи к Аймаут! Её выход!

Осчастливленный Кулмей взял с места и ускакал. Стрелки Аймаут очень быстро вышли на позицию – они показались на краю обрыва, натягивая луки и методично расстреливая тех, кто копошился внизу, кто попался в западню и не знал, где выход из неё.

Меж тем Мирослав понял, что допустил ошибку. Развернув своих людей к устью оврага, он пошёл на прорыв, не обращая внимания на потери – лишь бы вырваться из теснины на волю!

Сухов сразу почувствовал возросший напор и дал команду отступать – стоять насмерть он не собирался.

«Раскупорив» овраг, новики с половцами Итларя и Чюгая отошли, не прекращая обстрел. И вот повалила рать Мирослава – растрёпанная, побитая, растерявшая полдесятка знамён. Огрызаясь, отстреливаясь, разрозненные полки повернули обратно, туда, откуда пришли. Ряды их значительно поредели – и склон холма, и дно оврага были усеяны мёртвыми телами. Несколько коней брели понуро, лишившись всадников, и спотыкались о брошенные поводья.

– Тарх! Камос! Аймаут! Чюгай! – воззвал Олег. – Преследовать полки до темноты! В ближний бой не вступать, нападать из засад! Добычу без вас делить не станем.

Успокоенные степняки поскакали на запад, а тем, кто остался, Сухов нашёл два занятия – приятное и не очень. Надо было собрать брони да оружие, проще говоря, обобрать павших и раненых. Половцы снимали с трупов всё, имевшее ценность, то есть раздевали догола и уносили мечи, шлемы, доспехи, портки, рубахи, оставляя одни нательные крестики, если те были из дерева.

А новикам и крещёным половцам пришлось хоронить чужих и своих. Своим отрывали могилы в размякшей земле, а галичан уложили под обрывом, да и обрушили песчаный край, разом погребая всех.

– Олфоромей, – устало обратился Олег. – Онцифор! Соберите стяги галицкие да черниговские, все, какие найдёте. Отвезём их князю!

– Это мы мигом!

Сухов подъехал к понуро замершему саврасому коню – осиротевшему скакуну с примесью хороших кровей, и спешил. Савраска вскинул голову, тревожно кося лиловым глазом, но Олег заговорил с ним ласково, погладил морду. Конь покивал головой, вздохнул, будто печалась, и покорился новому хозяину.

А Сухов, взгромоздясь верхом на саврасого, оказался чуть выше – видать, степные предки «трофея» когда-то пересеклись с чистопородными. Похлопав коня по шее, Олег осмотрелся. Победили они или нет? Мирослав бежал, и правильно сделал – воевода спас полки от полного разгрома. Степь ведь не зря Половецкою звалась – Ченегрепа и иже с ним властвовали над просторами между лесом и морем, а дабы удержать сии просторы, требовалась сила немалая. И она у половцев была.

Так или иначе, решил Олег, а задачу свою они выполнили – галицко-черниговское войско отогнано за пределы княжества Киевского. Победил ли он Михаила Всеволодовича Черниговского – это ещё вопрос, но вот над Якимом Влунковичем верх одержан точно...

...На Бабином Торжку собрался полк из Нового Торга. Новики и половцы Олега скромно стояли в сторонке, у позеленевшей квадриги.

– Струсил галичане, – бойко докладывал Яким Влункович, – даже показываться нам не стали! В Тихомели, как и полагается, тишь да гладь да божья благодать. Мы по всей степи рыскали, а не сыскали ворога. Побоялси, видать, Мирослав клинков наших, не решилси границу-то перейти!

– Эва как... – протянул Ярослав Всеволодович.

Великий князь осмотрел новоторжан и повернул голову к Сухову.

– А ты что скажешь, Олег Романыч? – спросил он сумрачно.

Вместо ответа Олег дал знак Олфоромею, и тот, на пару со Станятой, вынес охапку стягов и бросил Ярославу Всеволодовичу под ноги.

– Это знамёна воеводы Мирослава, – громко заговорил Сухов, – потрепали мы галичан здорово, вот они и утекли!

– Лжа это! – заорал Влункович, напрягая жилы. – Не можно четырьмя сотнями побить два полка!

– А уметь надо!

Князь с любопытством оглядел стяги, пощупал даже жёсткую ткань с изображением Святого Василия, а потом огласил своё решение.

– Храбрецы новоторжские! – сказал он зычно. – Благодарю за службу! Обещал я вас наградить и слово своё исполню. Можете возвращаться до дому!

Новоторжане – смущённые, растерянные, обрадованные, равнодушные, – зашевелились, зароптали, подались с площади, а Ярослав Всеволодович снял с себя витую золотую гривну и нацепил её Олегу на шею.

– Носи, воевода, – сказал он. – Служи с честью, и дано тебе будет не только славою облечься, но и великим почётом!

Сухов поклонился, больше всего упиваясь той зеленью, что проступила на лице Якима Влунковича, бледном от ненависти. «Понял? – мелькнуло у Олега. – Во-от...»

Глава 7, в которой Сухов поминает чёрта

Шестого мая, в день Святого Георгия Победоносца, киевляне устраивали «гулянку» – принарядившись, целыми семьями отправлялись за город, на Выдубицкие высоты. Там они пили и закусывали, расстилая скатёрки на молодой траве, ходили босиком по густой поросли, как бы прокладывая жизненную тропинку до следующей весны. А весна нынешняя буйствовала, вся природа справляла праздник жизни – расцветала зелёная степь, расцветали каштаны, расцветали девушки. Открывали сезон соловьи, аккомпанируя возлюбленным парам, разносились по-над Днепром *чу* дные, протяжные песни.

В день шестой месяца мая, который в Киеве по-прежнему называли травнем, Олег Сухов ходил в народ и окунался в гущу событий. Притомившись ходить и окунаться, он устроился в тени Выдубицкого монастыря, у подпорной стены церкви Архистратига Михаила, лет сто назад сработанной Милонегом. Днепр отсюда был совсем близко, плеск речных волн заглушал крики и здравицы, доносившиеся из дубрав Выдубицкого урочища, и навевал покой.

Воевода Олег Романыч во все первые числа месяца травня нёс службу на левом берегу, утверждая власть Владимира Рюриковича в Переяславле. Бояре переяславские, отвыкшие под князем жить,⁷⁷ воспротивились поначалу, но мечи дружинников и воев живо укротили строптивцев, некоторых укротив на голову.

При штурме переяславских Епископских ворот Олега чувствительно задела стрела, распоров плечо, хорошо хоть левое. Рана была неглубокая, но, не дай бог, заражение... Тогда всё, капец. Сухов вытерпел прижигание калёным железом, а в Киеве Пончик обработал рану по всем правилам.

– И чтоб никаких купаний! – строго наказал Александр, меняя повязку. – Понял?

– Во-от... – подхватил Олег, поглядывая за ловкими пальцами Шурика, накладывавшими пахучую мазь и аккуратно обматывавшими раненую руку чистой холстиной, порванной на ленты и прокипячённой в целебном растворе.

– Как там Переяславль? – спросил Пончик.

– Деревня, – коротко ответил Сухов. – Правда, каменная баня есть. Пряма как терма.

При упоминании о термах Шурик вздохнул украдкой. Олег заметил этот момент, но ничего не сказал – ему и самому порой становилось паршиво. Только вспомнишь об Алёне – и понеслось... Столько сразу наваливается всего, памятного, дорогого – и утраченного безвозвратно. Как тут не посчитать жизнь поганкой?

Пончик закончил с перевязкой, полюбовался делом своих рук и велел Олегу одеваться. Сухов осторожно натянул через голову шёлковую рубаху с богатой вышивкой у ворота и привалился спиной к стене – толстые дубовые брёвна удобно подпирали тело.

Сощурившись, огляделся. Широкий Днепр переливается на солнце. Камыши шуршат, листья молодые шелестят, хор девичий зачинает распевку... Хорошо!

– Неуютно мне в Киеве, – неожиданно выпалил Шурик, – неприятно. Угу...

– С чего это вдруг? – удивился Олег.

– Да не вдруг... По всей Руси князья дерутся, а тут, на юге, и вовсе лютуют – настоящая гражданская война идёт. А Орда всё ближе... Батый ныне в поход на буртасов⁷⁸ собирается, на мордву... Угу.

⁷⁷ Князь Святослав Всеволодович, посаженный в Переяславль в 1230-м, покинул город в том же году – престол остался вакантным.

⁷⁸ Народ, населявший в описываемый период территорию нынешней Пензенской области. Этническая и языковая принад-

– Откуда знаешь? – насторожился Сухов.

– Половец один рассказывал. Говорит, хан ихний, Котян Сутоевич, уходит потихоньку из донских степей. Уже и послов своих к венгерскому королю засылал, чтобы в те земли переселиться. Король Бела поставил условие – всем креститься, и Котян согласился...

Олег присвистнул.

– Да-а... – протянул он. – Видать, прижало хана крепко.

– То-то и оно! – воскликнул Пончик. – Скоро и нас прижмёт, да так, что ни вздохнуть ни охнуть! А князья, вместо того чтобы оборону крепить против общего врага, сживают друг друга со свету!

– Да-а... – повторил Сухов. – Знаешь, кого я сейчас вспомнил? Вана. Помнишь такого?

– Ван? – наморщил лоб Пончик. – А-а, это тот китаец? Ты ещё у него чай покупал! Он?

– Да. Не помню, по какому случаю, но Ван Лун однажды поделился со мной одним наблюдением. Рассказал, как в детстве вышел на окраину своей деревни и наблюдал за дракой двух псов. Собаки сцепились так, что ключья летели. Они рычали, визжали, грызлись – и не заметили, как из леса вышел тигр. Полосатый одним ударом лапы пришиб обоих и утащил – тигры терпеть не могут собак, но любят собачатину. Мстят будто за своих мелких сородичей...

– Похоже, – вздохнул Шурик. – Целая свора грызню устроила, а с востока приближается безжалостный хищник. Одних шавок он растерзает, другие станут лизать полосатую задницу...

– А так и будет, Понч. Что ты хочешь? Лествичное право...

Ох уж эта окаянная «лествица»... Поговаривают, что лествичный порядок престолонаследия Русь переняла у Хазарии. Так это или не так, никто уже не скажет. В теории «восхождение по лестнице» вроде бы исключало борьбу за власть, поскольку все дети умершего правителя получали часть общего наследства. На практике «лествица» приводила к нескончаемой междоусобной распре.

Почил князь Владимир Красное Солнышко, папаша многодетный, и всем его сыновьям достались уделы – более-менее цельное государство раскололось на княжества, те подразбились на ещё более мелкие волости. Но даже самый мелкий удел доставался наследнику лишь на время. Почему? Вот в этом-то и крылось коварство «лествичного права»!

Когда князь-отец умирал, его место в роду занимал старший брат, он становился отцом для младших братьев, а его сыновья делались братьями дядьям своим и переходили из внуков в сыновья, потому как не было уже деда над ними, старшим в роду оказывался уже их родной отец. Умирал старший брат – второй брательник заступал его место. Теперь он делался отцом для прочих младших братьев, и уже его дети переходили из внуков в сыновья, из малолеток – в совершеннолетние. Вот так молодые князья через старшинство своих отцов сами приближались к месту старшего в роду. «Как прадеды наши лествицею восходили на великое княжение киевское, – говаривали вельможи, – так и нам должно достигать его лествичным восхождением».⁷⁹ А перешёл ты на следующую ступень – всё, бросай доставшийся тебе удел, перебирайся в другой. Но и там корней непустишь, ибо владение твоё – не навсегда. Некогда тебе править, даже вникать в проблемы времени нет. Очередная смерть старшего в роду – и начинается перемена мест. Был ты удельный князь болховский – станешь удельным князем курским. Или вжишским. Или ещё каким.

Тот ещё порядочек, что и говорить. А ежели князь помрёт, не будучи старшиной рода? Тогда дети его навсегда останутся на ступени несовершеннолетних – дальнейшее восхождение

лежность буртасов до настоящего времени не выяснена. После опустошительного нашествия Батые буртасы в течение короткого времени сходят с исторической сцены.

⁷⁹ Формулировка принадлежит С. Соловьёву.

их прекращалось. И им это активно не нравилось – обделённые поднимали мятежи, затевали войны, а благополучные чада в долгу не оставались, давали сдачи изгоям.

И каждое чадо ревниво посматривало на прочих деток, возгораясь гневом и алчностью: «А чего это у Михайлы больше земель, нежели мне дадено?», «Ослаб Игорёк, надо бы у него пару городишек оттяпать...», «Не годится сие – одни леса у меня! А у Глеба пажить на пажити! Переделить надобно – мечом нарезать землицы!»

И оттяпывали, нарезали, творили передел и беспредел. А что же народ? А народ безмолвствовал, терпел и вымирал – войны разоряли земли, а разорение вело за руку голод невиданный: одни впадали во грех людоедства, обрезали человечину с трупов, другие ели и конину, и собачатину, и кошатину, кору липовую грызли и лист, ильм употребляли в пищу и сосну, вламывались в чужие дома, надеясь найти хоть немного зерна, повсюду: на улицах, на торжищах, за околицей – валялись трупы, которых пожирали стаи собак, и жирные вороны благословляли мор, и некому было хоронить мёртвых...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.